

Екатерина Дмитриева

Саламандра и дракон



Екатерина Дмитриева

Саламандра и дракон

«Автор»

2026

Дмитриева Е.

Саламандра и дракон / Е. Дмитриева — «Автор», 2026

Злые кони храпят, играют, реет в воздухе звонко медь; край обходит война за краем, за собой оставляя смерть. Эта песня рождается из глубины тоскующего сердца на пепелище потерянного царства. Двое — великий воевода и юный жрец — идут на войну, чтобы встать лицом к лицу. Бегут от войны царские дети — и не все доберутся до цели. Сражаются за свободу повстанцы и гибнут во имя правды. Над Медным царством сгущаются тучи, плетутся интриги, воздух наполняется дымом. А на пепелище расцветают любовь и дружба. Ушедшие на войну, убегаящие от нее и ищущие любовь научатся целовать и отнимать жизнь, выпускать стрелы, прощать, проклинять и благословлять, петь песни и плакать, когда под ногами дрожит земля. Над ними всеми распрострет небесное покрывало Звездная Мать и явится каждому в своем лике: Матерью, Смертью, Соперницей, Сестрой и Невестой.

© Дмитриева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

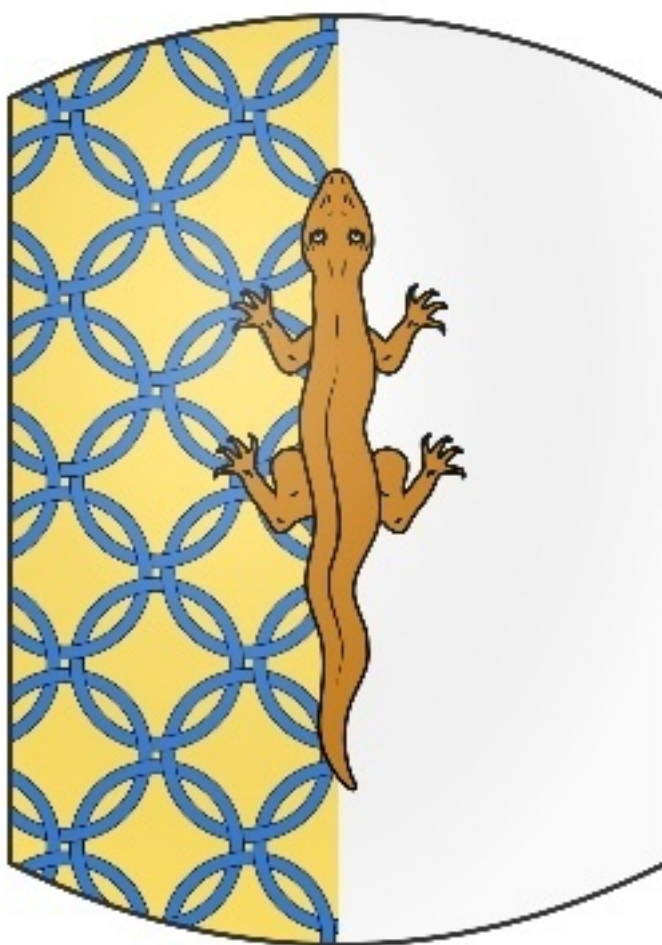
Памятка.	5
ЧАСТЬ 1. ДРАКОН	11
Пролог. Медный ключ.	11
Глава I. Серебряный дракон	13
Глава II. Город золотой	21
Глава III. Розы и сталь	29
Глава IV. Потерять и найти	37
Глава V. Цена правды и славы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Екатерина Дмитриева

Саламандра и дракон

Памятка.

Для удобства чтения ниже приведены краткие сведения о государствах и правящих домах, упоминаемых в этой истории.



МЕРА (Медное царство)

Большая страна в центре материка. Значительную часть территории занимают невысокие горные кряжи, богатые залежами самоцветов, медных руд и драгоценных металлов. Благодаря этим богатствам Меру называют Медным царством. Исторически жителей страны называют меерцами.

Столица: Халькия. Вместе с городами Регне и Горица образует «Три столицы» — главные экономические и культурные центры.

Религия: Культ Матери Альтеир, Звездной Вышивальщицы. Вера пронизывает все сферы жизни. При храмах действуют схолы — учебные заведения, где изучают науки, искусства и ремесла. Каждый храм специализируется на области, которой покровительствует божество.

Пантеон:

Альтеир (Мать, Звездная Вышивальщица) — праматерь богов. Покровительствует медицине и алхимии, всему тайному и скрытому от глаз, благотворительности и помощи. Владычица ночи и звезд.

Тилеон — лунный свет, супруг Альтеир, отец Элафрии. Мужское божество, покровитель законов, правил, справедливости.

Элафрия — дочь Альтеир и Тилеона, владычица огня и света. Богиня-воительница, покровительница торговли и военного дела.

Конст — сын Альтеир и Тилеона, покровитель правящих семей, начальников, управителей. Посылает власть во благо, а не для утоления тщеславия.

Илина — жена Конста (вероятно, также его сестра), защитница правды, справедливости, законов. Покровительница властвующих женщин, рожениц и воинов.

Энотис — божество добрых чувств: любви, привязанности, нежности, дружбы. Покровитель семейных и дружеских уз.

Тис — богиня естества, плодородия и мощных природных сил, сестра Энотиса. Их родители — Арос (Сила) и Анке (Чувство) — надбожественные сущности, более древние, чем боги.

Одигис — бог искусств и мастерства. Покровитель оружейников, кузнецов, ткачей, ювелиров, горнодобытчиков.

Правящая династия: Хальканта.

Царь Георгий II — погиб в битве при Межполье от руки ралидийского воеводы Аргираса.

Царица Алексия (урожденная Верейская) — сестра верейского князя Лествана.

Старшие царевичи Исадрос и Ксант — погибли вместе с отцом.

Царевич Эдонис и царевна Ильге — близнецы, младшие дети царской четы.

Царевна Еввия — старшая дочь.

РАЛИДИЯ

Страна к западу от Меры. Рельеф равнинный и холмистый, с запада ограничена Драконьим Хребтом — цепью труднопреодолимых гор с множеством пещер и ущелий. За несколько веков выросла из маленького княжества в агрессивную военную державу за счет захвата соседних территорий.



Религия: Исторически население Ралидии исповедовало разные культы — Матери Альтеир, Мертвого бога, змеиных божеств, местные древние верования в Дракона и духов. Из-за многочисленных религиозных распрей один из правителей отрекся от богов и провозгласил атеизм государственной политикой. Ко времени действия романа вера в богов в Ралидии преследуется.

Столица: Арани.

Жемчужина столицы: замок Эрелика («Орлица»).

Легенда о драконьей крови: Согласно преданию, родоначальником династии был дракон-оборотень Ксавьер, женившийся на простой девушке Ивоне. Их потомки якобы сохранили в крови частицу драконьей силы, проявляющуюся в виде красных чешуй на коже — «драконьей болезни».

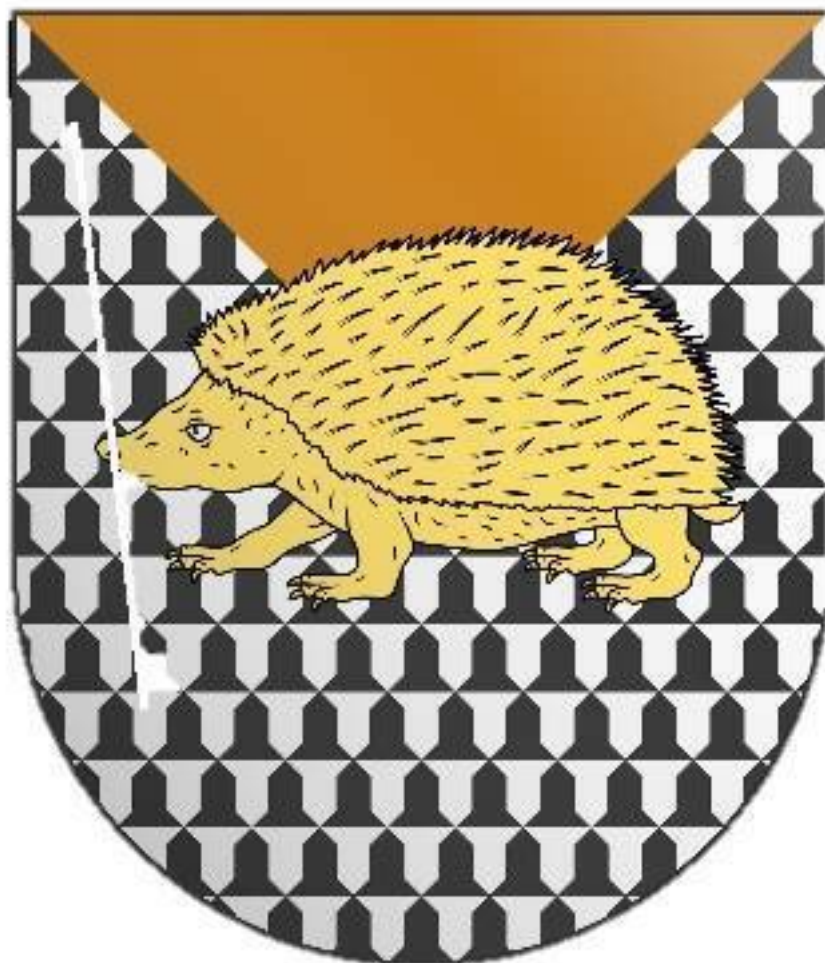
Религия: научный атеизм. Территория Ралидии была сформирована захватническими войнами, население было разнообразным – разные народности, культуры, верования. Многообразие религий приводило к столкновениям и бунтам, поэтому предки нынешнего господаря,

начиная с прадеда, начали проводить политику уравнивания религий путем их полного искоренения. В настоящее время вера в каких бы то ни было богов считается признаком дурного воспитания, отсталости, ограниченности мышления.

Правящая династия: Сарканы (легендарные предки).

Господарь Войцех Дислав IV.

Госпожа Аоланза Эделфа — мать Войцеха, дочь императора Эвимеросы.



ВЕРЕЯ

Маленькое княжество на границе с Мерой. Много веков назад Мера и Верея были единым царством, которое царь неравно разделил между двумя сыновьями. Правящие династии по-прежнему связаны родством. Славится искусными резчиками по дереву и обширными пасаками.

Столица: Стойностен.

Религия: Повсеместно распространен культ Матери Альтеир. Однако часть населения издревле тайно исповедует культ Мертвого бога, несмотря на запрет: князья Вереи и цари Меры считали эту веру опасной и жестокой.

Правящая династия:

Князь Лестван II

Княгиня Йенелик — уроженка Тор-Сатора, тайная верховная жрица Альтеир в Верее.

Княжич Илис — старший сын, наследник престола.

Княжна Андрия (урожденная Радана) — жена Илиса, из опального рода мертвобожников.

Княжич Янар — младший сын.

Княжна Софрана — дочь.

ХЕВИТА

Королевство на северо-востоке от Меры, граничит с Мерой и Вереей. Отличается мягкими снежными зимами и характерной архитектурой: замки и сторожевые башни строят из белого камня.

Столица: Каррег.

Родовой замок: Касетель.

Религия: культ Матери Альтеир.

Правящая династия: после смерти короля Велунда II прервалась. Нынешний король Лелль — незаконнорожденный сын Велунда, отстоявший трон в междоусобной войне с двоюродными братьями и дядьями. Прославился тем, что вел войну малой кровью и помиловал побежденных соперников.

Король Лелль I.

Рэнхилдр Хевитская — королева-мать.

ЭВИМЕРОСА

Империя на крайнем западе материка. Колыбель веры в Мать Альтеир, центр древней мудрости и законов. Именно отсюда культ богов распространился по всему матерiku, и именно здесь, по преданию, бог Конст впервые открыл людям тайны власти и устройства законов. Родина Аоланзы Эделфы, матери правителя Ралидии Войцеха.

Империя давно не ведет захватнических войн, но ее влияние чувствуется повсюду — в моде, науке и политике.

В богословской традиции Меры и Вереи Эвимеросу называют «Первым престолом» — местом, где вера обрела форму и силу. Ралидию с ее научными достижениями считают «Вторым престолом» — наследницей имперской мудрости, но предавшей богов. А Халькия, столица Меры, почитается как «Третий престол», последний оплот истинной веры. Падение Меры, согласно древним пророчествам, должно было привести к гневу богов и великим бедствиям.

ТОР-САТОР

Морское королевство на юго-востоке материка, имеет небольшую границу с Вереей. Строит лучшие корабли, добывает самый ценный морской жемчуг и кораллы. Славится месторождениями кварцевого песка — лучшего для отливки цветных стекол — и исключительной поэзией.

Особенности культуры: свободные нравы, чересчур легкая одежда, равноправие женщин — то, что удивляет выходцев из более континентальных стран.

ЭРГИЙН-ТИРАА

Северное степное государство, граничащее с Мерой. Часть земель находится в зоне вечной мерзлоты. Жители — жестокие, суровые воины и кочевники, с детства умеющие выживать в суровых условиях.



Правитель: хан Карасгай («Черная вода»). Постоянно конфликтует с братом, ханом Тэнгиса, из-за земель, которые их отец, по мнению каждого из братьев, разделил несправедливо.

МОРИОН

Маленькое княжество, граничащее с Вереей и Хевитой. Славится меховым промыслом. Широко известно многочисленными наследниками князя, которым не хватает земельных наделов.

Правящая династия: Морион.

Князь Уле I.

Княгиня Клайна.

Князь Уле приходится двоюродным братом князю Лествану Вереysкому по материнской линии.

Посвящается моему папе

ЧАСТЬ 1. ДРАКОН

Пролог. Медный ключ.

— Пусть Медное царство станет нашим, — мягко улыбаясь и склонив голову к плечу, мурлычет Аоланза. Пальцы бездумно теребят прядь. Она не видит, но знает, прекрасно знает, как красиво теплый свет множества свечей играет на черных кудрях. Стоило великих усилий поддерживать угольный цвет на серебящихся волосах. Да, пора бы снова позвать алхимика. Бездна бы побрала эту седину.

— Матушка, почему?

Он не выглядит удивленным. Тон — скорее доброжелательный, интересующийся, мол, как ты, мать, додумалась. Наверное, и сам размышлял об этом, и решение уже принял. Но она всегда имела над Войцехом власть. Влияние матери неоспоримо для почтительного сына, но было влияние и другого рода: опытного интригана, придворной змеи, спрятавшейся в тени трона. Вряд ли Войцех уважал ее только за то, что она виделась с ним в детстве чуть чаще, чем положено — раза четыре в неделю.

— Ралидия давно не видела таких господарей, как ты. Ты превзошел своего отца, — губы против воли кривятся в пренебрежительной усмешке, — хоть это, пожалуй, было и нетрудно. И все же тебя прославили блестящие победы. Сколько новых земель!

Войцех всегда похвалу слушал пренебрежительно, словно она его раздражала. Как же Аоланза злилась, когда пыталась найти к маленькому сыну ключик — ни похвала, ни ласковые и льстивые слова о том, как она якобы понимает все его игры и выдумки, не работали.

— Матушка, я об этом уже знаю, — что в пять, что в тридцать — одинаково несносный.

— Хорошо, хорошо, — Аоланза примирительно подняла ладони вверх. На запястьях сверкнули любимые золотые браслеты — символ господарской крови. — Скажу прямо. Твой воинственный дух, разумеется, не будет довольствоваться шестью покоренными государствами. Нужно ведь содержать увеличенную армию, нужно восстанавливать разрушенное. Тебе понадобилось отличное войско и способные командующие, чтобы завоевать полматерика. Но тебе понадобятся деньги, чтобы покорить весь мир. А где, скажи, где очень много золота, драгоценных камней, умелых рабочих?

— В Империи Эвимероса и Медном, — чуть помедлив, отвечает Войцех. Он хмурится и становится похож на отца. Аоланза вспоминает о Зигфриде: где он сейчас, интересно? Задержался с сыном ли на границах Лорива или уже на пути к ее объятиям? — Я понимаю. Мера — довольно легкая добыча. Шкатулка с очень простым ключиком, но сколько всего внутри... Медное царство воевать не будет. Молиться — вот и все, что они умеют, да еще корпеть над дорогими безделушками.

Сообразил. Уж наверняка гораздо быстрее, чем ее покойный супруг. Чем-чем, а дальновидностью и умом Дислав не отличался. Чем он вообще отличался, если за полвека не сделал и десятой доли деяний сына?

— О да, — нежно и довольно тянет Аоланза, — ты верно рассудил, сын мой, господарь мой Войцех. Следующим твоим шагом должна стать Мера. Ключ к северу, ключ к богатствам, ключ к большой власти. Так ведь можно эту неприличную веру в богов на всем материке искоренить — падет верховный идол, а маленькие божки сами разбегутся кто куда. Туда им и дорога... — она поправила примявшийся рукав, слегка отвлеклась от мысли, снова задумавшись о Зигфриде.

— Как на падение верховного идола посмотрит Империя?

— Благодаря моим усилиям – сквозь пальцы, — сдержать ликующий тон не удалось. Но Аоланза приложила *действительно* много усилий. Отец и слушать сначала не желал, но сдаться в самом начале такой великолепной интриги? Только не это! – уже год как императрица-мать, четверо моих сестер с мужьями мягко, осторожно, тихо склоняли на мою сторону Императора. Недавно он прислал мне письмо, — торжествующий смех легко выкатился из горла, — спустя пятнадцать лет молчания, что принимает мои условия. А условия таковы: он разрывает все связи с Мерой, но без открытой вражды. Без войны. В идеале – чтобы Мера сама об этом не знала. Не препятствует вторжению на земли собрата по вере ралидийских войск – и получает вечный союз с моим сыном и его потомками.

Сын кивнул, принимая к сведению.

— Чудесно. Только союз?

— Отправляя меня сюда, в отсталое, – как считалось на западе, – государство, где правят потомки диких зверей, он не знал, каким великим оно станет. Теперь он видит наши богатства, нашу военную мощь, знания, славу. Такой союзник – честь и подарок судьбы, — Аоланза укоризненно взглянула на Войцеха. Ну нельзя быть таким угрюмым, честное слово.

— Что ж, — он взял ее за руку, мягко коснулся губами тыльной стороны ладони, — я согласен. И доволен, матушка.

А в глазах – ни капли довольства. Ну что еще сделать, чтобы Войцех порадовался? Император теперь на него с уважением смотрит, земли увеличились вдвое. Казна не слишком пуста. Может, невесту ему найти?

— Ты так же рассудителен и смел, как твой отец. Ты очень похож на него, — она лукаво улыбнулась в ответ на взгляд, полный недоумения: всем было очевидно, что господарь как две капли воды похож на темнокудрую мать, а не на русоволосого Дислава. — Ты действительно похож на отца. Поверь глазам матери. Они не ошибаются. И они видят, что твой следующий поход — куда бы то ни было — увенчается успехом.

— Войско на Меру поведет Аргирос, — быстро проговорил он. Что ж, совсем не удивительно. Наш пострел везде поспел.

— Вы близки с ним, как настоящие братья, — не удержалась от колкости.

— Он ведь и в самом деле мне родственник, — задумчиво произнес Войцех. — Его мать, панна Ядвига — троюродная сестра моего отца. А отец...

— Забудь пока про отца. Когда уже его имя покинет своды Эрелики? Пусть лучше наш орлиный замок оглашают триумфальные песни. Пойдем, нам накрыли ужин в моих покоях. Тебе понравится. А, в бездну этот стул! – крикнула она, больно стукнувшись ногой о подлокотник. Красивая вещица с неудобной торчащей резьбой. Осталось еще со времен отца ее покойного мужа. Отвратительный у него был вкус, конечно. И у мужа, и у его батюшки.

— Вышвырните, наконец, из моих покоев эту гадость, — бросила напоследок служанке, прежде чем она почтительно закрыла двери.

Глава I. Серебряный дракон

Аргирос равнодушно осматривал желтовато-зеленое травяное море. Сколько он уже видел таких покрывал на холмах и равнинах – взрезанных лезвиями, обожженных, сверкающих сталью, выпавшей из ослабевших рук. Битва окончена, меерский царь обезглавлен, а его войско бежало в страхе.

Выиграть в якобы честном поединке с царем было несложно. Аргирос моложе, подвижнее, конь – лучший на всем белом свете. Вранко – черный, как смоль, под стать кудрям хозяина – обучали всем боевым трюкам много лет. Конечно, эти дикари-меерцы о таком и не слыхали. Они много, о чем не слыхали в своих глухих деревянных городах. Оттого их царь и лежит на земле, залитой кровью, а его голова смотрит закатившимися глазами в запыленное небо.

От тонкого всхрапа Вранко Аргирос словно очнулся. Мысли и воспоминания прошедшего боя слишком его поглотили, словно вновь его окутала гарь, запахи крови и дыма. Он устало смахнул прилипшие ко лбу волосы. Под ладонью у глаз показались конные, спускавшиеся рысью с невысокого холма. Он узнал того, кто ехал впереди, хоть цвет волос перестал быть различимым под кровью и грязью. Конечно, Лукас.

— Мы проводили их, — весело ухмыльнулся во весь рот, обнажая белые-белые, неприятно яркие зубы, — немного потрепали. Меерское войско разбито, Аргирос.

Лукас сказал это так легко и обычно, словно докладывал о том, что ел на завтрак – даром, что это и так было всем известно. Казалось бы, к бесшабашно-веселому Лукасу пора привыкнуть за пяток лет, но для Аргироса оставались вещи, которые он даже в друзьях не мог терпеть.

— Благодарю, — непослушная шея, задубевшая, напряженная, не хотела склониться в традиционном кивке, — собирай *наших*, дам команды убирать павших и готовиться к стоянке.

— Ночь рядом с мертвецами? Чудесно, — Лукас взбил волосы на затылке и обезоруживающе улыбнулся.

— Не в первый раз, — ответить получилось только коротко и устало. Он действительно *слишком* устал. Напряжение в мышцах стало спадать, но осталась невыносимая усталость духа, которую ему поможет снять только вино перед сном. И сон, разумеется. Лукас вопросительно поднял бровь, оглаживая шею коня и не замечая, что пачкает светлую шерсть грязью. Аргирос прищурился.

— Спрашивай.

— Добыча.

— Сколько хотите. Но поскорее, надо управиться до заката. Не усердствуйте – когда возьмем столицу, Регне и Горицу, вы, — ехидный смешок обжег губы, — утонете в золоте и драгоценных камнях.

Если сейчас воинов прельщают плохо сработанные доспехи этих дикарей – что ж.

Аргирос поднял войско еще задолго до рассвета, и когда небо озарил краешек солнечного багрового диска, погребальные костры и залитое меерской кровью Межполье остались позади.

Едва стало достаточно светло, Аргирос велел подать ему письмо, которое писал вчера. Пользуясь мягчайшим и совсем не тряским аллюром своей кобылы, он вновь и вновь пробежал глазами строчки. Письмо господарю не терпит небрежности, пусть Войцех и его ближайший друг; подойдет ли эта фраза?.. Послание обсудят всем двором, заглянет туда и госпожа Аоланза.

— Повторенье – мать сомненья, — хмыкнул рядом Казимир.

Аргирос поднял на тысячника зудящие, слезящиеся от дыма глаза. Ну зачем его принесло? Опять спорить, советовать, ерничать, что ж еще ему нужно.

— Да, — задумчиво ответил он. — Сомневаюсь. Не велики ли потери? Мы потеряли две тысячи. Не капля в море, правда?

— Потеряли бы больше, не вызови ты царька на поединок, — невозмутимо ответил Казимир, приглаживая усы, — не сомневаюсь, ход битвы при Межполье войдет в историю. Войска расставлены грамотно, и в подходящий момент воевода бросает дерзкий вызов неповоротливому мужлану. Исход закономерен. Просчитан, я бы даже сказал.

От его слов и сверблящего в глотке вонючего дыма хотелось скривиться, зажмуриться, чтобы не видеть никого и ничего. О, светила небесные, ну что же все так... Аргирос отвечал что-то — равнодушно и односложно, процеживая слова сквозь зубы. Доехать бы до стана под Арутой, и как следует выспаться.

Солнце поднималось все выше и выше в золотистой прозрачной дымке, высыхала мерцающая роса на стерне в полях. Войско двигалось слаженно и быстро, никаких происшествий, никаких остановок. На единственном привале Аргирос, отказавшись от еды (чтобы не было тяжело сидеть в седле) укрылся от солнечных ярких лучей в походном шатре и раскрыл предыдущее письмо Войцеха. Когда он впервые взял в руки этот плотный конверт с оттиском орла — то есть неделю назад — все было иначе.

От бумаги пахло розами — этим ароматом насквозь пропиталась белокаменная Арани и жемчужина столицы — замок, зовущийся орлиным гнездом, Эреликой. Любимый запах госпожи Аоланзы, которая привезла его с собой из далекой Империи. Темно-фиолетовые чернила — никто, кроме господаря, не мог ими пользоваться — сплетались в изысканную вязь. Аргирос заметил, что письмо в руке слегка подрагивает — это яркое пятно в полумраке шатра.

Аргирос Сильфер Платеад Азвес, лучший мой воевода, дорогой мой друг. Я получил твое последнее послание о том, что ты подступаешь к столице. Остерегись. Замедлись еще более, пройди вблизи столицы и дай бой в Межполье. Я изучил карты: уверен, подходящее место. Я посылаю тысячу воинов к городку Арута, где ты хотел остановиться перед походом на Халькию. Помни, что три драгоценных города нужно брать один за другим — Халькия, Регне, Горища. Быстро, как ты умеешь. Я доволен тем, как идет кампания, я хвалю тебя и горд твоими победами.

После этой строчки Аргирос тогда заметил маленькое масляное пятно — и вот странность: следующие четкие линии слов его будто избегали. Тогда он решил, что эфир капнули не после, а во время написания письма, а сейчас по спине пробежал холодок от мысли, что в ход мыслей господаря кто-то вмешался, нависая над бумагой со склянкой духов или ладанкой на красивой женской шее. И — он окончательно уверился — эта шея принадлежала Прекрасной Госпоже. Аргирос украдкой понюхал края письма, наиболее удаленные от пятна: конечно, пахло не так резко. Розовое масло пролила мать господаря, внимательно читая его послание воеводе.

Аргирос сам не отдавал себе отчета в том, как ненавидит ее. Еще много лет назад, впервые почувствовав от рубахи отца слабый аромат роз, он пришел в ужас. В покоях матери пахло совсем не так — он проводил там многие часы, глядя на ее портрет, расчесывая волосы ее гребнем, задумчиво перебирая в пальцах жемчужные ожерелья, подаренные ей отцом. Там — даже когда ее уже давно не было — витали ароматы жженого сахара и теплой древесины, горящих угольев и чистых льняных тканей, и оттого дурманящий эфемерный аромат сладких, красных и страшно колючих цветов показался ему тошнотворным.

Не только я испытываю эту гордость. Столица кипит нашей славой. Твоей — что ты рука действующая, и мной — что я ум повелевающий. Когда я слушаю эти сплетни, мне становится смешно, Аргирос. Я вспоминаю наши первые походы: там не пахло ни славой, ни успехом. Молодые и отчаянные храбрецы с горсткой воинов осмелились захватить крепость в Парвисе — и как быстро мы овладели всем королевством! Юность сделала свое дело, и ее войску покорилась замшистая старость. Когда укор совести наводит свою легкую тень на мои глаза, я всегда думаю о том, что, лишив завоеванные нами земли свободы, мы дали взамен им великое благо. Что стоила их невежественная, неотесанная независимость против нашего Просвещения? Наши наука, справедливость, свет новых познаний и открытий, принадлежность к

нашей короне дали им гораздо большее, чем они добились бы сами. Не забудь о нашей милой маленькой традиции, друг. Мне любопытно было бы узнать, какая девица попадется тебе на сей раз. Велю тебе наружность описать этой счастливицы, ее лета, характер! Не забудь упомянуть и о цвете волос – после бешеной герцогини Марцелины из Лорива я с предубеждением отношусь к темноволосым женищинам – в твою же рядом с тобой.

Необычно длинные фразы от скупого на слова господаря, зачеркивание слов, пролитые духи, женская манера интересоваться внешностью девушки – все говорило о не слишком умелом обмане, и он грозил Аргиросу, впитавшему в себя ложь и коварство двора Эрелики с детства, неизъяснимую и стойкую тревогу.

А ведь Ветта, та милая девочка с такими же темными кудрями, как у тебя, оказалась лучшим талисманом. Твоя парвиская невеста знаменовала лучшие победоносные годы кампании – тогда-то о Ралидии каждый гордец заговорил с уважением. Те, кто презрительно отворачивались от моего отца, правителя земель диких зверей, с почтением склонили головы перед его сыном – покорителем трети материка. Ты и сам это помнишь, мой дорогой друг. Все победы после не сравнились бы с первой. Кто первым вспомнил о старинном обычае брать в жены девушку из покоренных земель? Это же было ради шутки, но я отчего-то заинтересовался всерьез и добавил к древней легенде еще одно: характер избранницы расскажет о будущем этой земли. Ты выбрал, на мой вкус, самую прелестную из местных высокородных девиц, пусть ее семья разбогатела лишь на рыбном промысле. На вашем свадебном пиру я даже позавидовал тебе – ты был невероятно счастлив, откидывая темно-синюю фату, за которой это кроткое создание пряталось от взглядов ралидийских гостей. Сколько чаши доброго имперского вина было выпито! Сейчас я и за несколько дней не влил бы в себя столько, сколько тогда за одну ночь. Она того стоила, это правда.

Ты и эта хрупкая красавица смотрелась так, словно звезды предрекли вам соединиться, и как же я был поражен...

— Аргир, Аргир!

Он вздрогнул от пронзительного окрика с улицы, выронив листок на землю. Белизну бумаги припорошила пыль. На мгновение Аргирос тупо смотрел себе под ноги, а затем с силой наступил в центр благоухающего письма сапогом, провернул, втапывая в землю клочки, каблук — снова и снова.

В шатер влетел Лукас, с присущей ему нетерпеливостью заявляя, что настало время отбывать. Аргирос уже собрал кусочки бумаги и теперь крепко сжимал их в кулаке, растерявшись от глупости случая: как захваченный врасплох с любовным письмом. Но Лукас, столь же внимательный, сколь и тактичный, слава светилам небесным, ничего не заметил.

В пути снова пришлось ехать с Казимиром. Он долго рассуждал о путях, которые теперь остались у Меры: возвести на престол нового царя, покориться, выждать и дальше. Аргирос возражал: двое сыновей царя Георгия погибли в битве, а младший уцелел, однако он, кажется, слишком юн, чтобы управлять страной в такое смутное время. Царевны же не имеют мужей и, по законам Меры, не могут претендовать на престол. Царица, пожалуй, смогла бы... Однако маловероятно, что обезглавленная столица скоро оправится от такого удара. Это даст ралидийским войскам время, чтобы успешно разместить основное войско близ Аруты и в установленный господарем срок подойти сразу к трем «столицам» с небольшим разрывом по времени. Казимир кивал, соглашаясь и признавая свои ошибки. Обычно наставник не так скоро давал понять, что ученик превзошел его. Аргиросу слегка это польстило, но вскоре он отвлекся от непривычных мыслей, следя за отправлением войска дальше по тракту на восток.

Новый стан оказался ровно таким удобным, как его описывали согладатаи: широкое поле, примыкающее одним концом к лесу, по которому проходит малоизвестная скрытная дорога из столицы, с юга – небольшой город Арута, в котором точно найдется, чем восполнить припасы, хоть их истощения и не предвиделось. Вскоре равнина заполнилась белыми лоскутками поход-

ных шатров, задымила кострами, на которых споро стали варить вечерние похлебки, запестрела колетами разных крыльев¹ войска. Аргирос довольно оглядел располагающееся на ночлег войско: этот четырехкрылый золотой орел еще покажет всем свой исполинский размах.

Отдав последние распоряжения, он уселся перед входом в свой шатер и принялся глядеть на стену леса. Когда-то его расстроенные чувства могло успокоить созерцание природы, но в этот раз он остался до обидного равнодушным к краскам раскинувшейся перед ним картины. Его нутро все еще сжимала тревога, которую он надеялся прогнать горячей ванной и кубком вина перед сном, а покрытый голубоватой сумеречной дымкой лес не умиротворял, а давил темной, глубинной мощью. Зеленый бархат елей на фоне догорающего заката казался черным, острые верхушки деревьев взрезывали небо, сочащееся кровью. Чьей?..

Над лесом взлетели птицы. Аргирос равнодушно вспомнил, как пару часов назад Лукас попросился у него съездить на охоту в лес, дать волю его дружине: видите ли, его молодцы слишком долго плелись, как старая кобыла, вместе с неповоротливым войском, и теперь им хочется порезвиться. Аргирос искренне понадеялся, что никто из охотников не сломает себе шею в буреломе и не напорется на сук: он не слишком жаловал лесную охоту и считал ее опасной. То ли дело гнать степных волков или диких коней в равнинах! В Ралидии мало степей, и все же Войцех устраивал многодневные поездки в его личные охотничьи угодья близ Малого Озера – не много ни мало три дня пути вглубь страны. Пусть чернь охотится ради пропитания, более благородным сословиям надлежит охота ради удовольствия.

Воспоминания об охоте заставили Аргироса вспомнить поединок с царем. Георгий и был похож на степного волка, и даже глаза показались ему такими же золотыми, горящими. Они потухли, напомнил он себе, и от них в лучшем случае остались угли. В честном поединке молодая кровь взяла верх над старой. Огонь поглотил искру...

Он очнулся от воспоминаний боя, услышав топот копыт и какой-то неожиданный звук: скрип колес. Аргирос вскочил с кресла, прошел с десятков шагов по направлению к потемневшей громаде леса и смог уже ясно разглядеть странную вереницу: впереди ехал Лукас – светлые волосы, буланый конь – и держал в поводу первую из запряженных цугом лошадей повозки. По бокам от нее и сзади шагом ехали Лукасовы дружинники – некоторых из них Аргирос знал в лицо. Лукас, заметив Аргироса, немедленно устремился к нему, бросив повозку. Спешившись на полном ходу, – он обожал такие трюки – Лукас картинно припал на одно колено. Аргирос поморщился.

— О величайший воевода всех времен и народов!

— Короче, пожалуйста. Это что за охота? – тон вышел совсем не таким ледяным и строгим, каким должен был быть.

— Аргис, не сердчай, — когда Лукас так обаятельно улыбался, любой готов был заключить его в объятия и женить на своей красавице-дочери. – Навстречу нам по лесной дороге неслась повозка: ну как ее было не остановить? Там оказалась, судя по всему, знатная дама. Я плохо изъясняюсь по-меерски, ты знаешь, поэтому учтивой беседы не вышло. Ты-то сумеешь с ней поговорить! Ну, не сердись же на своего младшего названного брата!

— Если бы ты был моим братом, я бы ка-ак дал тебе подзатыльник! – рявкнул Аргирос, впрочем, почти без злобы. Сердиться на эту глупую выходку не получалось. За богатую даму родственники могут дать хороший выкуп – это будет не лишним. – она точно одна?

— С ней две служанки, ну и возница на козлах. Я велел ему сесть внутрь, чтобы не сбежал.

— Хорошо. Показывай свою добычу.

¹ Крыло в ралидийском войске – приблизительно 3 тысячи воинов, объединенных одним военачальником, избранным из предводительствующих тысячников.

Лукас открыл дверцу повозки и учтиво протянул руку, чтобы женщина оперлась на нее. Спустя мгновение из полумрака появилась изящная белая ручка, раздвинувшая занавески, а за ней – необычайно привлекательное женское лицо. Аргирос, забыв о приличиях, рассматривал девушку, когда она, не обращая внимания на ладонь Лукаса, сама спустилась на землю и лаконичным жестом велела подойти к ней служанкам. Кто-то за спиной Аргироса присвистнул от удивления, а удивиться было чему: высокая и статная незнакомка была одета в дорожное платье (Аргирос, хоть и не разбирался в меерской моде, достаточно видел и крестьянок, и купчих, чтобы сложить кое-какое понятие о местном костюме), но из необыкновенно богатой материи. При каждом ее шаге изумрудное платье сверкало золотыми и зелеными нитями, сложенными в роскошный растительный орнамент, подол шелестел металлическими чешуйками, а длинные рукава были украшены золотыми же узорами. На голове девушки сверкал тонкий венец, удерживающий белоснежный платок – он почти полностью скрывал ее волосы, и лишь у висков и надо лбом выбивались золотистые пряди. На тонких пальцах блеснули кольца, прежде чем она спрятала руки в широкие рукава. Служанки, конечно, были одеты проще, и все же – не чета простым крестьянкам. Волосы так же убраны под платки, на запястьях – серебряные браслеты. Возница – мужчина неопределенных лет – встал позади, по-волчьи глядя на окружающих карету воинов; в его руке блеснул нож, однако он не нападал. Усилием воли Аргирос сумел вернуть себе самообладание.

— Высокородная госпожа, я, ралидийский воевода Аргирос Сильфер, рад приветствовать тебя, — ровным и спокойным голосом начал он на меерском, — здесь тебе ничто не угрожает, ведь я ручаюсь за твою безопасность. Кто ты и откуда держишь путь? Назови себя, госпожа, чтобы я мог отдать должные почести твоему, несомненно, благородному положению.

Он успел хорошо рассмотреть ее в тусклом сумеречном свете: по Ралидийским меркам уже не юна – лет двадцать. Должно быть, уже несколько лет как замужем. Невероятно правильное, геометрически совершенное лицо с четкими высокими бровями и скулами. Если бы он верил в богов, сказал бы: божественно красива. При дворе она пользовалась бы оглушительным успехом, возможно, затмив собой его покойную мать Ядвигу, освещавшую юной прелестью своды Эрелики с четырнадцати лет. Но это чудесное создание природы так медлило, прежде чем ответить, что Аргирос успел посокрушаться о ее, видимо, единственном недостатке – глухоте.

— Благодарю тебя, господин, — ответствовала она на ралидийском, чем изумила его, — ты любезен, хоть и враг моей державы, и мой враг. Позволь мне продолжить мой путь. Я и мои слуги не причинили тебе зла, но твои люди испугали нас. Как это объяснить?

— Назови свое имя, госпожа, — все так же миролюбиво ответил Аргирос, впрочем, чувствуя, что начинает раздражаться. Она говорит с ним дерзко, как равная: задает вопросы, хотя должна отвечать.

— Я путешествую, не раскрывая своего имени, — прямой и ясный взгляд, да еще и вздернутый подбородок.

— Мне жаль, однако тебе и твоим спутникам дорога дальше заказана, — раз она не отвечает на вопросы, он и подавно не потрудится ей разъяснять.

— Как ты смеешь, воевода? – прекрасное лицо теперь явило гнев, не став от этого ни на каплю хуже. Захотелось еще подразнить ее.

— Разместите благородную гостью в одном из моих шатров, Казимир. Проследите, чтобы она ни в чем не испытывала недостатка, а вот ее слуг отправьте подальше – женщин к прачкам, а мужчину к слугам. Объясните им, что к чему, да держите на виду, однако ж не смейте и пальцем их тронуть. Полагаю, в отсутствие близких ей людей наша прекрасная госпожа станет немного разговорчивее, — усмехнулся Аргирос, давая Казимиру знак выполнять приказ. — Позовите ко мне астролога, я желаю с ним поговорить перед сном. Нет, госпожа, — он твердо посмотрел прямо в ее дерзкие глаза, ни на миг не отведя взгляда, и она осеклась, не сумев

договорить своих возражений, — я не услышу тебя, пока ты не назовешь свое имя. Доброй ночи, госпожа. Доброй ночи, Лукас.

Стоило ее окоротить, чтобы увидеть на чудесном лице перевозданный гнев: как раскат грома, как молния, как высокие и невероятно прекрасные зарницы. Гроза так же быстро смолкла, как и началась. Лукас вежливо, но твердо оттащил ее к пустующему шатру, а его дружинник ловко выбил нож из руки возницы.

Астролог пришел так поспешно, будто Казимир пригрозил ему чем-то страшным, и выглядел соответствующе. Аргирос сделал приглашающий жест рукой, подавляя зевоту. Он не так уж часто прибегал к услугам этого смешного невысокого человечка – даже забыл, как его имя. Но это не столь важно, ведь достаточно обращаться ко всякому сброду «господин», и самый презренный из них в одно мгновение растает и от благодарности упадет в ноги. До смешного предсказуемо.

— Добрый вечер, господин. Я хотел бы узнать, что скажут мне звезды... ну, о моей ближайшей судьбе. И, если это возможно, о судьбе той таинственной дамы, которая сегодня стала нашей гостьей.

— Разумеется, разумеется, господин военачальник, — с забавным литенским говором зацокал астролог. Аргирос попытался вспомнить, как же все-таки его зовут и каким образом он попал в войско. Конечно, астролог должен сопровождать его в походах, но ведь в Арани остался великий Густав, научивший его науке беседы со звездами... Странно, очень странно.

— Постой, Ольф: разложи карты, но не говори о них. Я хотел бы сам трактовать голос светил.

— Как пожелает господин! Я наслышан о вашей мудрости, слышал, и что вы толкуете карты не хуже любого астролога. Буду стцаслив это увидеть, ведь в прошлый раз вы слушали мои скромные рассуждения...

Зря слушал, подумал Аргирос. Единственный раз с начала похода он прибегнул к помощи этого Ольфа – когда решил немного изменить первоначальный план Войцеха. Звезды сообщили, что любое начинание воеводы будет благоприятным, но тогда он потерпел поражение, сойдя с намеченного пути.

Он внимательно всмотрелся в разложенные Ольфом карты. Черные рубашки были непро- ницаемо матовыми в свете неярких свечей. Протянул над ними руку, слушая внутренние ощущения. Эта, эта и эта. Еще две дополнительные, три из особой колоды, разложенные особым способом. Медленно перевернул их и озадаченно моргнул: никогда ему еще не встречались такие сочетания. Астролог поймал его взгляд и едва заметно вздрогнул.

— Звезда Орла восходит, чтобы упасть, — облизнув пересохшие губы, начал Аргирос, искоса поглядывая на Ольфа: вдруг поправит?

— Я согласен с вами, господин, — шепнул он.

— Но она пробудет на горизонте достаточно, чтобы случилось много ужасных событий. Звезда Дракона, — палец прочертил на карте ломаную линию, повторяющую контуры созвездия, — скрыта черным облаком, а звезда Лебеда сияет ярко, как никогда. Кто же это?

— Мне кажется, — робко начал Ольф, теребя в руках перо и подрагивающим пальцем водя по знакам, — особое расположение указывает на то, что звезда Лебеда обозначает женщину. К сожалению, даже я не вижу ее других примет.

— Она рассеет облако, скрывающее Дракона.

— И здесь я согласен.

— Орел – это, конечно, господарь Войцех. Дракон?..

— Вы, господин военачальник.

— Не понимаю, — протянул Аргирос. Драконы были древним символом господарского рода, пока не стали сказками несколько веков назад. Тогда их сменил золотой орел – более настоящий и более опасный.

— Ах, господин! Неужели вы никогда не слышали о себе сплетни при Дворе? Вас зовут Серебряным Драконом – ни больше, не меньше, — благоговейно округлив глаза, зашептал в волнении астролог. – Некоторые, правда, серебряной змеей... но, между нами говоря, это все завистники. Змей полно, а дракон-то – один.

Он проснулся резко, как из воды вынырнул на воздух – так иногда бывает после страшного сна. Пытаясь успокоить колотящееся сердце, задышал реже и глубже. Что же снилось? Уже почти не вспомнить... Аргирос снова начал засыпать, проваливаясь в темные воды, и они уже смыкались над его головой. Отблески битвы еще мелькали под полуприкрытыми веками, застилающая глаза гарь – его чувствительным глазам всегда был невыносим дым костров – и сквозь нее – блеск кольчуги противника. Точный удар в приоткрывшуюся подмышку, где нет кольчуги – и он падает в грязь, крича от боли. Аргирос оборачивается, ища глазами среди свалки боя пурпурный плащ Войцеха, но что-то на краю его зрения отвлекает. Блик на коротком клинке! Многолетняя привычка в рукопашном бою делает свое дело: он молниеносно изворачивается, руки сами перехватывают запястья нападавшего, и вдруг все взрывается болью где-то в горле. Он распахивает глаза и задыхается, и хватает ртом воздух: в его ладони – тонкое запястье Ветты, а вовсе не противника, напавшего из-за спины. Он не успевает остановить свое тело, начавшее сильное движение – от удара Ветта с тонким восклицанием падает с кровати навзничь, и из ее руки со звоном падает кинжал с красной каймой на лезвии – она все же успела его задеть. Он проводит по мокрой шее рукой, чувствуя резь и запах железа, и зовет стражу, но его голос тонет в ее истеричном надрывном крике:

— Ненавижу, ненавижу! Да когда же ты сдохнешь!

На пол закапала кровь с ее разбитых губ. Через несколько мгновений там забултыхал дымящийся алый поток.

Аргирос проснулся в холодном поту, жадно ловя спекшимися губами прохладный ночной воздух. Кошмар в кошмаре – а еще говорят, что такое снится только сумасшедшим. Пожалуй, еще немного, и он поверит, что действительно сходит с ума. Бывало, он просыпался от снов о битвах и многочисленных опасностях, которые пришлось пережить, но, чтобы во сне ему являлись бывшие жены – нет, такого не было никогда. Ни одна из них не тревожила его после смерти. Очень вовремя в памяти всплыли строки какой-то старинной книги, толкователя снов: «Мертвые никогда не приходят в сны просто так». Никогда не приходят просто так. Не приходят просто так. Все не просто так. Все не так. С колотящимся сердцем Аргирос улегся снова, свернулся клубком, как в детстве, когда, уткнувшись в колени, оплакивал мать. Тогда слезы помогали. Теперь унизили и растоптали – злые, испуганные и холодные слезы тридцатилетнего мужчины, которому приснилась убитая им жена.

Наутро он первым делом поинтересовался, как разместили гостью. Голова раскалывалась от боли, а в глаза словно насыпали песку, но Аргирос, конечно, не мог показать болезненность и слабость всем, кто у него под началом. Пока слуга узнавал подробности, Аргирос умылся ледяной водой и растер пучком жесткой травы руки и ноги. Хмыкнул, подумав о том, какое кудахтанье среди придворных вызвал бы этот суровый военный быт. Когда в походах присутствовал Войцех, его окружала господарская роскошь, которая тяготила Аргирова, если была устроена в чистом поле, а не в родных старинных стенах замка.

Слуга сообщил, что высокородная гостья не проявила ни в чем нужды: ей была приставлена служанка из прачек, которая могла говорить с ней по-меерски, в шатер доставили несколько видов вин и пищу со стола тысячников – то есть лучшую во всем лагере. Они не притронулась ни к вину, ни к еде, ни даже к воде. Ей дали сменное платье – одно из самых богатых среди трофейных, и господин Казимир был очень недоволен – ведь неизвестно перед кем ему приходится так стелиться. Она по-прежнему отказывается говорить свое имя и сурово

требует своих слуг обратно. Аргирос тяжело вздохнул. Придется опять решать все самому, бездна бы побрала этих красоток, один вред от них. Он неторопливо прошелся по шатру, кусая губы. Выглянул на улицу, где загорался рассвет, и подставил лицо первым солнечным лучам. Вдохнул еще раз.

— Скажи ее служанке, что я хочу поговорить с гостьей.

Глава II. Город золотой

Здесь не город — сандал и медь, Что ни площадь — то Божий храм. О таком невозможно петь, Потому не ищи слова. Мария Килден

Есть такая примета: кто впервые въезжает в Халькию через главные ворота, должен зажать в руке медную монетку. Еще около пяти веков назад, когда князь Праксий велел основать в этом месте город, считалось, что красноватая земля порождает враждебных духов. Но злые духи боятся металла, вот и обратятся в бегство при виде монетки, цветом напоминающей их пристанище, но опасной для них. Сейчас жрецы богини-матери и ее семейства установили, что духи человеку не навредят, пока сердце его остается чистым, но традиция так и осталась.

А монетки в кармане дорожного плаща не нашлось. Алькор очень не хотел доставать ради этого кошелек с деньгами, хоть и окружающие его люди не выглядели опасными — он давно разглядывал своих случайных попутчиков. Купцы с товарами — один из них, кажется, имперец, и везут наверняка ткани и дорогую древесину. Молодая женщина с маленькой девочкой, причем женщина в плаще, окрашенном яркой, недешевой вайдой, а девочка в поношенном и выцветшем платице. Прокаженный в черном одеянии, с глубоким капюшоном, скрывающим лицо, сидел на земле поодаль от всех. Несколько крестьянок из предместий везут тележки с молоком и яйцами на продажу в город, а с ними их маленькие дети — играют вместе с бедно одетой девочкой, пока ее мать равнодушно смотрит на восток, ожидая, как и все, появления солнца. Мягкий утренний свет некрасиво подчеркивал на ее лице многие-многие шрамики от оспы. Возможно, будь солнце выше, они не так бросались бы в глаза, но сейчас Алькор ясно видел изрытые отметинами щеки и лоб.

Значит, он войдет в город без монетки. Ничего страшного, лучше все-таки не рисковать и деньги не показывать. Конечно, по его скромной одежде и не скажешь, что под плащом спрятан кошелек с серебром, но береженных берегут боги.

Подкатившийся к нему тряпичный мячик он ловко отбил ногой, и мяч тут же подхватили крестьянские ребята. Худенькая девочка, которая бежала за ним, остановилась, рассматривая Алькора во все глаза. Он улыбнулся.

— Мариса, не глазей! — одернула ее мать, поправив полу синего плаща. — не тревожь его: он жрец.

— Ох, нет, что вы, все в порядке, — смущенно ответил Алькор, чувствуя, как загораются щеки. Прошла уже неделя с его возведения в новый статус, а он так и не привык. — Я люблю детей. Мариса, — слегка неуверенно начал он и тут же мысленно себя за это выбранил, — подойди, я благословлю тебя.

Девочка сделала шаг вперед, но в растерянности замерла, сунув большой палец в рот, и оглянулась на мать. Алькор тем временем достал наугад бусину из замшевого мешочка. Что на этот раз? На ладони заалел гранат.

— Жрец скажет свое благословение, призовет богиню и даст тебе бусинку, — женщина взглянула на Алькора, и он кивнул: все правильно, — всем дают бусинки. Они из драгоценных камней. Хочешь, повяжу ниточку с ней тебе на руку?

— Тебе досталась альфраксовая, — весело сказал Алькор после произнесения благословения, — но это по-научному, а по-простому — гранат или бечет, как в народе часто говорят.

— Спасибо, — прошептала Мариса.

— Пусть будет во благо этот камень, — Алькор ответил, как положено, но почувствовал, что этого недостаточно. — я точно знаю, есть такая поговорка: «бечет сердце увеселит, дурные мысли в пыль превратит». Пусть мама вденет в него ниточку, будет подвеска или браслетик.

— Я не мама, — надменно уронила женщина, пронзив его суровым взглядом.

— Простите... — Алькор снова почувствовал себя неловко. Уже ведь не первый раз он ошибается в поспешных выводах! — не хотел обидеть, простите, пожалуйста, простите!

Холодное и почти безразличное, хоть и не лишенное некоторой привлекательности, лицо смягчилось. Она даже слегка улыбнулась его горячим извинениям.

— Ничего, ничего. Я... — женщина развернулась к нему, пристально всматриваясь в лицо, — ее на тракте из Ксанфа подобрала, рядом с Гайрой, ну, где Межполье, знаете? Не совсем поняла, что произошло, но родители, кажется, погибли на войне. И веду ее в столицу, может, в какой храм пристроить.

— Вы правы, в Халькии много храмов, кое в какие обязательно принимают сирот, если у них есть способности.

Женщина прищурилась:

— Вы жрец богини-матери Альтеир?

— Снова правы, — улыбка расцвела против воли, — меня зовут Алькор, совсем недавно я стал младшим жрецом. По синей кайме на рубахе догадались?

— Вы светленький, — рассмеялась женщина и стала вдруг очень и очень красивой. — все вы беленькие. Она, — кивнула на Марису, — тоже светленькая, хоть и с рыжиной. Возьмут ее к вам?

— Не могу сказать, — с сожалением помотал головой Алькор, — я не посвящен в тонкости отбора послушников. Не все старшие жрецы обладают таким правом, что уж говорить. Да, есть мнение, что богиня-мать питает особенную любовь к светловолосым, но она же любит всех своих детей одинаково. Просто — я так думаю — внешне ей светловолосые приятнее, как некоторым девушкам больше по нраву рыжеволосые и зеленоглазые юноши, — со смехом закончил он. Эти теологические рассуждения всегда приносили ему искреннее удовольствие: ведь боги почти как люди, и люди были бы как боги, если бы жили честно, по совести.

— А еще, говорят, есть в Халькии храмы Элафрии и Тилеона? — продолжала женщина уже с меньшей теплотой, и то ли не хотела, то ли забыла назвать себя.

— Да, точно. Это из крупных. И храм Конста, конечно — храм царской семьи, но туда так просто не попасть: это их покровитель, в послушниках нет случайных людей. И теперь, когда царь Георгий погиб, — Алькор совершил жест, отворачивающий зло, — и два старших царевича, туда нет дороги. Храм закрыт, чтобы туда по подземному ходу в любой момент могла прийти царица, чтобы помолиться о муже и сыновьях.

— Откуда вы знаете?

— Теория, — улыбнулся Алькор, — так было раньше. Например, при царице Эвгении. Так может быть и сейчас.

Он задумался, стоит ли спрашивать ее имя. Обычно так не принято: женщина сама решает, называться ей новому знакомому или нет.

— Меня зовут Ксадра, и я буду рада, если вы проводите меня и Марису в какой-нибудь храм, — услышал он ее нерешительный голос, потонувший в звуке труб: с появлением первого луча солнца стража отперла ворота.

Алькор, крепко держа Марису за руку, неторопливо шел по главной улице Халькии. Конечно, он видел рисунки в книгах, видел карты города, читал описания улиц, но все это оказалось бледной тенью по сравнению с тем, что он видел своими глазами. Мариса восторженно рассматривала все, да и на непроницаемом лице Ксадры нет-нет, да и проскальзывало изумление. Удивляться было чему, и многих трудов самому Алькору стоило не разевать рот, как деревенский дурачок, на каждый невероятно богато разукрашенный терем или на фонарные столбы, покрытые причудливой резьбой, или на камни мостовой, все разноцветные, или на — вот диво — настоящий фонтан, о которых в Ксанфе только слышали. На излете лета ограды домов пенились белыми и розовыми цветущими кустами, просыпающиеся рынки гудели, как

улы, и сверкали товарами, а харчевни и странноприимные дома оживали, встречая первых гостей.

— Я и так собирался зайти в храм богини-матери – мне нужно пожить там месяц, а может, чуть больше. Это обязательно для тех, кто после получения статуса отправился в странствие по Мере. За два года нужно всю страну обойти, и в каждом храме Альтир побывать, помочь там, в чем нужно, новые знания получить. Местный храм – самый большой в Мере. Сколько тут книг, мне и представить сложно!

— А если Марису тут не примут?

— Отведу вас в храм Элафрии, хотя, — он еще раз оглядел худенькие руки Марисы, — не уверен, что ее примут в обитель девы-воительницы. Впрочем, как богам будет угодно: может, она придется ко двору в святилище Тилеона, хранителя законов.

— Спасибо вам, Алькор, — что-то в голосе Ксадры заставило его обернуться на нее, и он увидел лучистые и добрые глаза, сиявшие на бледном лице. Неужели солнце осветило ее и она перестала казаться холодной и заносчивой? Или чудесно красивый город не смог оставить Ксадру равнодушной? – вы очень нам поможете. А вам, — она кивнула на его ладонь, сжимающую ручку Марисы, — не скажут ничего?.. вам же нельзя...

Алькор только отмахнулся:

— Я не давал священную клятву. Обет безбрачия приносят старшие жрецы, да и те не все. И к тому же, я ведь не целуюсь с вами посреди площади.

Ляпнул и прикусил до боли язык, испугавшись своей дерзости: ну что за злой дух мешает ему выражаться вежливо и без двусмысленностей? Он ведь не имел ничего такого в виду... Но Ксадра только по-доброму усмехнулась и кивнула головой: вопрос закрыт.

— Как называются эти кусты, Алькор? – Мариса возбужденно вертела головой, жадно разглядывая людей, цветы, высокие терема. – А это? Я такого никогда не видела!

И Алькор принялся рассказывать ей все, что знал: о растениях, украшающих сады, о камнях в мостовой, о прямых и изогнутых улицах, о реке Каллире, несущей воды за городской стеной, о храмах богов и о том, чему в них можно научиться. О том, что в обителях звездной матери Альтир наставляют в «таинственных» науках – алхимии, медицине, астрономии, физике; в храмах Элафрии, носящей в венце солнце, обучают владеть оружием и собственным телом. Храмы бога-мастера Одигиса открыты для всех, кто хочет постигнуть искусство, а в лунном святилище Тилиона, супруга Альтир, можно научиться разговаривать на разных языках и узнать, как живут в других странах. Если учиться достаточно усердно, можно стать жрецом или получить право работать и получать за работу деньги. Конечно, можно научиться этому всему и вне храма, но, конечно, не так хорошо, покупатели и наниматели всегда выберут прошедшего обучение в храме, чем самоучку, у которого нет специальной маленькой метки на руке, которая показывает: этот человек хорош в своем деле.

— А у тебя есть такой значок?

— Конечно, есть, и не один- доверительно сообщил Алькор Марисе и подмигнул, — я много чего могу делать. Могу лечить, заниматься алхимией, переводить книги на много языков, могу окрашивать ткани, готовить краски и обрабатывать минералы. Вот, смотри, — он закатал рукав белой мантии, обнажая предплечье, — смотри, сколько узоров.

— Белые... — прошептала Мариса, спрашивая взглядом: можно тронуть?

— Можно. Они не сотрутся. Они введены тонкой иголкой под кожу – так не потеряешь никогда.

Он чувствовал невероятную гордость, глядя на восхищенную Марису и ловя косые взгляды Ксадры. В храме среди таких же, как он, учеников, он никогда не ощущал себя особенным – а простые люди так высоко оценили его! В столичном храме он должен постараться произвести еще большее впечатление на местных жрецов. Ксанф, конечно, гораздо меньше,

книг в библиотеке не так уж и много, однако своими успехами он должен представить наставников в самом прекрасном свете, ведь они этого заслуживают, как никто.

— У вас, Ксадра, есть место для ночлега? Чтобы обойти все храмы столицы, дня не хватит. Возможно, я мог бы попросить для вас местечко при храме богини-матери, обычно там имеется крыло для странников.

— Мне есть куда пойти, — ровно произнесла она, — я ехала в Халькию, чтобы навестить семью брата. Он погиб в битве при Межполье, оставил жену и новорожденных близнецов... Я хотела помочь Ириде, моей золовке. Буду жить у нее.

Храмы богини-матери во всем мире были построены по одному плану: различались только размеры в зависимости от населения города. Поэтому Алькор без труда отыскал в халькийском комнаты, куда приходили посетители, и устроил в них Ксадру и Марису. Послушник, немногим старше самой Марисы, ушел известить жреца, посвященного в тайны приема, под сень храма, а заодно проводить Алькора к тем, кто мог распорядиться его судьбой.

В ожидании он шептал молитвы, прося богиню-мать о помощи и заступничестве, как делал всегда. С самого детства у него не было родителей, чтобы рассказать им о радостях и горестях, но была богиня Альтеир. Ему даже не требовалось ее статуя или изображение на стекле, которыми украшали храмы, чтобы представить прекрасный и добрый лик и беседовать с ним. Он был уверен — это беседа, а не отчаянная речь в пустоту. Некоторые служители учили, что молитва — не прошение о милости, не капризный крик маленького ребенка, лишь бы исполнили его желание, но разговор, в ходе которого узнается многое и постигается необъятное. Алькор был согласен.

Жрец старшего статуса, назвавшийся Крайосом, записал имя Аргираса в особой книге прибывающих в храм, рассказал, что девочка Мариса, приведенная женщиной в синем плаще, успешно прошла испытание и может быть принята в число послушниц, а дальше — учиться, чему посчитает нужным. Алькор тихонько выдохнул, чувствуя, как расслабляются напряженные от волнения мышцы. Все получилось. Все хорошо.

Крайос провел Алькора по помещениям, показывая кельи жрецов, залы общей работы, библиотеку, молельни, святилища, маленькие комнатки, в которых размещали больных на попечении храма, внутренние дворики и огород, где выращивали лекарственные травы. Он объяснил, что пожить на это время Алькору придется не в храме, а где-нибудь в городе: на днях привезли много раненых, пострадавших в битве при Межполье, нет ни одной свободной комнаты, ни одной лишней койки. Пришлось уплотняться и переезжать друг в друга в кельи даже младшим жрецам и послушникам. Воины верят, что всем, кто смог добраться до Халькии, уже ничто не грозит: слава о целителях халькийской Альтеир гремит по всему Царству, и неспроста.

— Крайос, — с поклоном обратился Алькор к жрецу, — чем мне предстоит заниматься?

— Сначала будешь помогать лекарям с обходами раненых, это несложно. Наносить мази, менять повязки, где-то зашивать, где-то вскрывать нарывы. А потом, если легко справишься, добавим тебе право прохода во внутренние помещения — как знаешь, там всегда находятся лаборатории. Что тебе больше нравится: травничество, алхимия?

— Алхимия, — улыбнулся Алькор.

— Славно! Уверен, тебе понравится. Такого ты нигде не увидишь. В конце каждого дня будешь писать отчеты, я отправлю их позже твоим наставникам в Ксанф. Кстати, как там поживает старший жрец Вазилис? Когда-то он учился здесь...

Найти общий язык с Крайосом оказалось легко: многие из жрецов ксанфской Альтеир проходили обучение в Халькии, и Крайос знал многих лично. Разговор плавно свернул в перечисление имен, дат и фамилий, и длинный, извилистый путь по коридорам храма пролетел незаметно.

Работа закончилась поздним вечером, когда на небе уже стали загораться звезды. У Алькора слегка кружилась голова от обилия впечатлений, но он чувствовал себя невероятно легким и крылатым: он справлялся, он помогал, он обнадеживал. Крыло, где располагались комнаты больных, было огромным, а ведь ему пришлось обойти его не один десяток раз! Разнести еду, снадобья, перевязать, приготовить отвары для промывания ран и смачивания повязок, наложить мази, расчесать волосы, помочь переменить одежду, собрать вещи тем, кто покидает храм... а ведь еще прошел слух о распространении в городе «служанки войн» — болезни, которую, несомненно, принесли беженцы из Межполя, Аруты и других уже захваченных городов. Несколько заболевших уже обратились к жрецам, и это вызвало среди служителей храма тревожные шепотки: «служанка» никогда не удовольствуется одной-двумя жертвами, а значит, нужно готовиться к поветрию.

Он видел в тот день этих пораженных: кровавая рвота, обильный пот, головные боли заставляли несчастных очень страдать. Они теряли много воды, словно превратились в дырявые сосуды, и приходилось каждые полчаса заставлять их пить. Кормить их предписывалось особой едой: тертыми яблоками, маленькими кусочками хлеба с солью. Алькор знал, что чаще всего от «служанки войн» умирают, и не помогают ни выпаивание, ни тертые яблоки, но Крайос, с которому он весь день обращался за советами, удивил его, сказав, что целители халькийской Альтеир возьмутся вылечить их. Весь вечер Алькор размышлял, пытаясь придумать способ это сделать, но ни один из них не казался надежным, и лишь суровые меры могли бы, вероятно, остановить поветрие: всем входящим в город выдавать новую чистую одежду, окуривать их имущество дымом, горожанам запретить выливать отходы на улицу (хотя этого и так было не видно), а в домах кипятить воду для стирки и питья, или, на худой конец, разбавлять ее спиртом.

Задумавшись, Алькор вышел на улицу, вдохнул прохладный вечерний воздух. Белые ступени храма словно светились в сумерках. Пару этому белому пятну составлял цветущий куст возле входа: огромная белая шапка медленно осыпала ароматные цветы на головы прохожим. Теперь нужно решить, куда идти и как найти какой-нибудь постоянный дом. Его кто-то окликнул, и он вздрогнул от неожиданности.

— Я уже начала бояться, что вы ушли другой дорогой, какой-нибудь дверью для служителей, — на Алькора из-под тени куста смотрела Ксадра.

— Простите, я не заметил вас, — смущенно проговорил он, удивившись тому, что она стоит около храма одна, да еще и в такое время.

— Мне сказали, что в храме сейчас нет мест — все занято ранеными. Я подумала... Простите мою вольность: я подумала, что вам некуда будет пойти, ведь вы не упомянули ни о каких родственниках или друзьях здесь, — она опустила глаза и сжала в горсти край плаща, — а моя золовка будет рада принять у себя жреца. Это будет не в тягость, пожалуйста, прошу! — Алькору показалось, что ее глаза засверкали, как звезды, и у него совсем не нашлось слов возражений. К тому же, подумалось ему, он сможет отблагодарить хозяйку и Ксадру любой посильной помощью и молитвами. Очень-очень удачно все сложилось, слава богам. Алькор взглянул на темнеющее небо в вуали серых легких облаков, и ему показалось, что звезды — слезы матери-богини — на миг засияли ярче, чем обычно.

Дни потянулись сладостной, приятной чередой. Рано утром Алькор просыпался, помогал Ксадре накрывать на стол для всего семейства — вдове с двумя малютками-близнецами и ее младшему брату. На завтрак всегда была нехитрая, но обильная еда: хлеб, масло, сыр, яйца. Ирида, как выяснилось, держала на первом, каменном этаже дома молочную лавку, куда крестьянки из близлежащих деревень привозили товар, а ее брат Дориос служил посыльным в детинце. Каждое утро на рассвете он возвращался со службы и рассказывал новости из сердца столицы, обычно нерадостные. Женщины вздыхали, качали головами. Алькор кивал, прини-

мая к сведению, и со всех ног бежал в храм. Там его ждали раненые и пораженные «служанкой», а после утреннего обхода – алхимическая лаборатория.

Крайос уже на третий день вручил ему ключи от дверей во внутренние помещения и показал тайные комнаты, где целители готовили совершенно невиданные снадобья. Однажды Крайос перед входом в очередное помещение велел Алькору надеть на голову странный убор, похожий на полотняную шапку с тонкой вуалью, какие носят женщины, а под вуалью посоветовал прижать ко рту и носу ткань, смоченную в хвойном масле. Сам Крайос проделал то же самое, и, лишь убедившись, что все как положено, открыл загадочную дверь.

Алькор с любопытством заозирался: комната выглядела обычной – такой же, как и все храмовые комнаты. Беленые каменные стены, высокие окна с двойными открывающимися наружу стеклами – храм не жалел денег на красоту и удобство. У стены горел камин. Алькор вопросительно взглянул на Крайоса, и тот улыбнулся:

— Посмотри внимательно на эти стеклянные сосуды, но не открывай их без разрешения. В руки брать можно.

Он взял в руки один из круглых и плоских сосудов, похожих на чаши и показал Алькору. На дне был слой чего-то светлого, но со странными пятнами, похожими на капли расплавленного желтого воска.

— Что в них и почему нельзя открывать? – шепотом спросил Алькор. Он даже затаил дыхание, чувствуя, что будет посвящен в великую тайну.

— Эти желтые и беленькие капли – неизвестная нам субстанция, которую мы называли «семя болезни», — важно ответил Крайос, явно настраиваясь на долгий рассказ, — ты, наверное, знаешь, что чахотку с кровавым кашлем выявляют, судя по тому, тонет ли мокрота больного в морской воде. Однажды наш служитель забыл вылить воду, служившую для определения, и оставил ее в кувшине на столе в теплой комнате. Через день или два он вспомнил об этом, и удивился, увидев воду мутной и дурно пахнущей. Такого ведь не было. Он сохранил эту воду и попробовал добавлять ее в разные субстанции: чистую воду, бычью кровь и человеческую, мед, разные травяные отвары. Что-то из этого он выносил на свет, что-то ставил в тень, что-то нагревал, что-то охлаждал. Так, пробуя и ошибаясь, он установил, что в крови и меде, если поставить сосуды с ними в тепло и тень, появляются такие пятна. Они показались ему похожими по своей сути на плесень, появляющуюся на сыре и хлебе. Но в основном после нескольких дней настаивания они напоминали крохотную горку желтых икринок, насколько маленьких, что рассматривать их пришлось через увеличительное стекло. Многие жрецы сочли эти пятна тем, что вызывает болезнь, ведь это произошло из тела больного человека, и назвали «семенем болезни».

— Пробовал ли кто-нибудь сделать так же не только с мокротой, а кровью больного, или, скажем, гноем? – с волнением спросил Алькор. История увлекла его с головой.

— Конечно. Пятна были в разных случаях разной формы, цвета, высоты. Мы заметили, что есть некая закономерность..., впрочем, пока об этом рано что-то говорить. Важно другое. Разумеется, мы знаем о законе: подобное может вылечить подобное. И один из служителей подумал: раз семена болезни похожи на плесень, почему бы не попробовать победить их плесенью? Она вредна, но, может, только при вдыхании ее паров во влажных помещениях? И что же ты думаешь? После долгих проб и подборов мы увидели, что капля раствора плесени уничтожает эти семена.

Алькор задохнулся от восторга: он с радостным недоверием смотрел то на Крайоса, то на стеклянную банку, которую осторожно держал в руках.

— Вот так, — проговорил Крайос, довольный произведенным впечатлением, — мы нашли средство, которым ты все эти дни смазывал края ран. Они не воспаляются, а спокойно заживают, если, конечно, их накрывать чистой тканью. Работу с семенами болезни наш храм начал более века назад, и все это время мы держали ее в строжайшем секрете. Нельзя, чтобы

эти знания попали в злые руки. Каждые пять лет назначается новый Смотритель за Комнатой Семян, он выбирает себе помощников и приступает к новым изысканиям. Я стал Смотрителем в этом году, поэтому предлагаю тебе побыть пока моим помощником и учеником. Вижу, что ты согласен, — прищурился Крайос, а ведь Алькор еще и рта не успел раскрыть, и заулыбался, видя его ликование, — это очень хорошо. Я предвижу, что тебе это будет полезным. Смени-ка ткань у носа, и завяжи ее вокруг ушей — смотри, там есть тонкая веревочка, и приступим.

Однажды Алькор зачем-то пригляделся к горшку с помоями, который служанка (единственная у Ириды) выносила в отхожую яму. Красновато-бурые прожилки на поверхности — впрочем, наверное, ему показалось — напомнили кровь. Может, Ирида бросила в горшок отходы от разделки мяса? Он тут же живо вспомнил, что сегодня ему предстоит обойти больных, которых привезли вчера вечером. Город наводняли новые случаи болезни, желающих получить исцеление у Альтир становилось все больше, и жрецам приходилось отпускать многих находящихся на грани выздоровления домой, хоть это и противоречило уставу. Иначе разместить всех не выходило. Младшие служители в конце дня валились с ног от усталости, а старшие, не зная отдыха, посещали хворых, окуривали по просьбе жильцов дома и советовали, как можно избежать болезни. Помимо ежедневного обхода и наблюдения за больными, Алькору сегодня как раз предстояло стать помощником служителя, который с особыми растворами, травами и смесями должен был очистить несколько домов от разлетающейся заразы.

— Это поветрие — кара божья, — возбужденно прокаркала старуха, которую они посетили первой.

— Конечно, матушка, вы правы, — смиренно пробормотал Авим, дежурный сегодня жрец, пряча в бороде улыбку.

— Еще бы я не была права! Уж я получше некоторых знаю, — подбоченилась, — соседка-то моя, Айя, все говорит, уж боги могли бы и пожалеть нас, без царя-батюшки остались, а я считаю, пущ-щай нам по заслугам! Молодежь-то ро-оскошь любит, дурно воспитанная, насмеяется над стариками, не встают, когда в комнату пожилой и уважаемый человек входит! Знай повесничает, распутничает и деньги тратит. Я-то знаю, четверо внуков — все как на подбор. И у Айи, трое, стало быть, такие же. А она-то все: пожалеть, пожалеть.

Авим отвернулся и закашлялся. Хоть он и не мог считаться молодежью в понимании старухи, Алькор видел, что с серьезным и благочинным выражением лица, положенному жрецу средней руки, он больше слушать бабкину проповедь не мог. А она мгновенно обратила на него острый взор:

— Чегой-то ты кашляешь? Заразу какую мне принес?

— Матушка, простите, пыльца ему в нос попала, — невинно ответил Алькор и тоже кашлянул в кулак. — Пижма очень уж душистая, чувствуете?

— Знаю я, людей лечите, а сами!.. Проповедуете, а сами! Вы простите, но кто ж так поклон во славу Матери-то кладет? Да глубже кланяться-то надо, да лбом земли коснуться, да и руку что-то очень быстро убрали... Авим закатил глаза.

— Я богам честь воздаю в два раза дольше, чем ты живешь, — припечатала бабка, как ступку на стол бросила. — не спали мне горницу-то, ишь, огонь он разжигать вздумал. Лампадки мало?!

Авим выглядел таким несчастным, что Алькор даже как-то постеснялся приглашать его к себе домой — посмотреть на Ириду и ее детей. Человеку и так досталось на нелегкой службе!

— Что за дрянь в этой харчевне, не ходи сюда никогда, — Авим принулся к ложке, поморщился.

— Хорошо, — покладисто ответил Алькор.

— Наверное, это какое-то особенное испытание моего характера, — послышался страдальческий стон с той стороны стола, погруженного в полумрак, — путь, помогающий обре-

сти смирение, терпение и все такое... Ненавижу этих бабок... ох, прости Мать, этих милых пожилых женщин, думающих, что, раз ей сто лет, она лучше знает, как проводить обряды...

— Ну, не расстраивайся, — обычно легко дающиеся слова поддержки прозвучали глухо и безжизненно, но у самого Алькора не хватало на большее сил после этого утомительного дня. — завтра пойдет кто-нибудь другой. Ты не мог бы...

— Боюсь, я уже ничего не могу, дружище, — Авим скорбно вздохнул, — та, набросилась на нас с воплями о колдовстве, — он потрогал щеку и поднес ладонь к свече, — опять кровь пошла! Вытри, вытри, пожалуйста, я не могу смотреть... что за когти были у этой сумасшедшей... принять жрецов Матери за каких-то раскольников, которые колдовскими зельями честный народ смущают, дома окуривают! Больше кровь не идет?..

И Алькор, подавляя один большой жалобный вздох, вытирал Авиму щеку, кивал, кивал, сочувствовал, ощущая себя старше тридцатилетнего Авима как минимум вдвое... Маленькие окна полутемной харчевни озаряли тихие молнии. На улице поднимался сильный ветер, свистел в стеклах, нагонял над городом темные, отяжелевшие от будущих ливней тучи.

Глава III. Розы и сталь

— Поддай-ка мне лучше не розовую воду, а, скажем, лимонную. Все же знают, что я люблю исключительно розы. Даже забавно было видеть, насколько все придворные дамы обеспокоились подбором духов: лишь бы не как у меня, а то еще рассержусь и отравлю.

— Вам виднее, госпожа.

— Иди, да поскорее.

Одиноко. С прислугой не поговоришь, да и зачем с ней разговаривать? А Войцех все пропадает со стратегами. Пантора даже жаловалась ей недавно, что господарь редко к ней заходит. Может, у него другая любовница? Если бы этот неблагодарный знал, сколько трудов ей стоило найти такую красивую слепую девушку, он бы не был таким легкомысленным в вопросах любви. В его положении нельзя просто так ходить к кому угодно, и ведь так много раз ему об этом говорила! Слушает, кивает, а все делает по-своему.

— Спасибо. Принеси еще темный плащ без меха и мои старые башмаки. Нужно одеться попроще.

Аоланза вспомнила про письмо. Точно. Как можно было забыть? Она вернется с прогулки и расскажет ему и о засланце к Аргиросу, и о свежих сплетнях с рынка. Сплетни о правящих особах – это всегда так интересно и так смешно... Заодно надо упомянуть и о Панторе, и о том, что пора ему жениться. Хорошо собьет с него спесь и покажет, как матушка недовольна его отсутствием по целым дням.

Базарный день на рыночной площади в прохладный туманный день – что может быть лучше? Аоланза медленно прохаживалась по рядам, вдыхая влажный воздух: кожа, выпечка, железо, соль. Подошла к прилавку с овощами, прислушиваясь, о чем болтает торговка с покупательницей.

— Может, она и не ведьма, нам-то откуда знать и какое дело?

— Да ты что! Она ж черная, как смоль, все такие эти тор-саторские, только зубы белые. Она и князя приворожила. Иначе как он мог такую страшную в жены взять, она ж не знатного рода какого, мать вообще из публичного дома, говорят.

— А то наша Аоланза святая! И про нее говорят, что она не императорская дочь, а простолудинка, ее взамен принцессы Диславу отдали, а то принцессу все же жалко.

— Всех остальных принцесс императору было не жалко отдать придворным старикам, — говорящая, хоть ее Аоланза и не видела из-под капюшона, явно сочилась ехидством.

— Кто там знает, кого кому жалко, все высокородные девки так замуж выходят, этой хоть повезло за нашего Дислава... а эта княгиня верейская, у нее ж золовка теперь в Мере по мужу воеет, вдруг она нас проклянет? Говорят, в столице ихней поветрие, люди мрут, как мухи.

— Ну пусть, Аргиросу же легче. Может, это план у них такой.

— А что, он пока не женился?

— Вроде нет. Ну какой скандал был с предыдущей его! Как самому не надоело всякую дрянь иноземную к себе в дом тащить, столько ралидийских красавиц без внимания увядает.

— Ты про себя, что ли?

— Ну хоть бы!

Аоланза фыркнула и отошла подальше. Когда начинаются сплетни такого рода – пиши пропало, слушать – себя не уважать. Зеленщица с рынка размечталась об Аргиресе Сильфере! Смех, да и только. Действительно, вот сдались ему чужестранки, вышел бы в базарный день на площадь – его бы женщины на кусочки разорвали. Весь в отца, бездна его побери, такой же статный, немногословный красавец. Все таких любят, а кто не любит – дел еще с такими не имели.

У прилавка с россыпью минералов было интереснее: торговец признал в ней знатную даму, несмотря на слегка потертый плащ, и обращался соответственно. Аоланза могла перебирать камешки сколько душе угодно – торговец понял, что она обязательно что-нибудь купит.

— А что, неужели из Меры ничего нет? Вижу местные агаты, кварцы. Вот, — изящно ткнула ноготком в хрусталь, — наверняка из Драконьих гор? Нет ли чего-нибудь ярче?

— Простите, госпожа, еще не довезли. Будут прекраснейшие трофейные камни, лазуриты, малахит, карбункулы! Не стыдно будет самому господарю показать.

— Откуда знаешь?

— У меня двое сыновей служат в войске, изредка пишут письма, — обмахнул вспотевший лоб. — В последнем письме писали, что уже набрали достаточно добычи. А ведь походу конца не видно... Ну, оно и понятно: хоть царь мертв, а Мера еще нет. Надо ж их додавить. И вся шкатулочка у нас! То-то будет красоты для таких прекрасных дам, как вы, госпожа. Сразу видно госпожу благородного происхождения, и нравом благородную, раз в камнях понимаете. Двор-то наверняка весь бросится эти редчайшие у нас минералы по дешевке покупать, что по моде будет. У одной такой звездный камень, той этот удачу приносит, поди их разбери, придворных финтифлюшек.

— Да-да... Все верно говоришь, господин, Двор – наверняка просто клубок змей! Счастье, что мой муж не участвует во всех этих делах, — ележно промурлыкала Аоланза, с сожалением выпуская из пальцев невероятно красивый кристалл хрусталя. — Отсыпь мне штук десять черных агатов, да вот этот медовый онихион. И, пожалуй, еще хрусталь... этот. Пойдет мне агатовое ожерелье с медовой искрой в центре, господин?

— Здравствуй, матушка, — и склонился к руке, как ни в чем не бывало, с обыкновенной непроницаемой улыбкой. Ничего, сейчас она с него сползет.

— Дорогой мой сын! — ее улыбка должна быть полна царственной гордости и радости. — Как я рада тебя видеть. За время твоего отсутствия... появились некоторые новости.

— Вот как? Мне сказали, матушка, что сегодня вы ходили в город. Без охраны, с одной только служанкой, — расположился в ее кресле так, будто оно его собственное!

— О, прости мне мой маленький каприз. Сердце старой сплетницы скучает по свежим слухам.

— Мы же говорили о том, как это может быть опасно, — как и брать без спросу из гостевой вазы фрукты в покоях матери. Войцех ведь уже откусил дважды, а если бы взял не красное яблоко, а вон то желтое?

— Ах, я забывчива затем, что я забыта, — сказала она огорченно, скромно опустив голову. И даже не убедил ее в том, что она не старая.

— Прошу, оставьте это кокетство для Двора, — и даже поморщился! Ну каков нахал... и это его она с детства воспитывала в послушании и почтительности, это с ним возилась в два раза чаще положенного! Ведь хороший тон в благородной семье – видеть сына не чаще пары раз в неделю. А она! Каждый день хоть на минуту, да заходила в детскую. Правда, есть мнение, что сыновья, если обращать на них много внимания, вырастают плаксами. Но ничего подобного: ни Войцех никогда чувствительностью не отличался, ни Аргирос, чья мать была такой же странной матерью в глазах Двора. Даже чуть-чуть жаль ее: редкостная умница была, хоть и слишком красивая. Ей просто не повезло быть женой Зигфрида.

— Сын мой, — только и смогла она произнести укоризненно.

— Какие у вас были новости? — уже мягче, доброжелательнее. Участливее. Так-то лучше. Все равно придется закрыть глаза на непочтительное поведение: донести информацию важнее.

— На моем столе лежит письмо от человека, находящегося в непосредственном окружении воеводы Аргироса. Там изложены многие события, о которых твой лучший друг забыл упомянуть в отчетах.

— Например? – кажется, удалось его действительно заинтересовать! Он искренне удивлен, бедняжка.

— Ты ведь запретил ему грабить поселения вокруг Аруты? Однако великий воевода решил по-иному и позволил некоторым людям в качестве награды за боевые заслуги растащить едва ли не по кусочкам сколько-то городков в округе. Из деревень уведен скот, хотя, кажется, у войска не должно быть проблем с провизией. Была захвачена повозка с какой-то явно знатной дамой, которая сейчас находится в лагере в качестве «гости» Аргирова. Сомневаюсь, — передернула плечами, чтобы выразить все негодование, — что ты отдавал такие приказы.

— Да, матушка, это действительно крайне интересно, — он потер висок рукой. — Что за дама?

— Ее описывают как высокую, прекрасного сложения и невероятной красоты, в богатой одежде, с тремя слугами, в повозку были впряжены двое хороших коней. Она молчала – по крайней мере, неделю назад, письмо шло долго. Не называла ни имени, ни звания, говорила достаточно дерзко. Я уверена, что девушка из очень благородной семьи. Было бы ошибкой удерживать ее... с другой стороны, если она принадлежит к царскому роду, она – ценное приобретение.

— Согласен, — серьезно ответил он, вращая в пальцах перо. — Но мы сделаем вид, что ничего не знаем. Я бы хотел, чтобы Аргиров ошибся сам и эта ошибка была действительно роковой.

— Не боишься потерять то, что уже завоевано, пока будешь ждать его падения?

— Нет.

— Как скажешь, — она легко понялась и прошла к камину, шурша платьем. Упря-ямец. Хотя, может, тут и следует выждать. — Даже не хочешь узнать имя этого полезного человека?

— Зачем? – Войцех пожал плечами, — я уверен, что я его не знаю. А о его награде ты и так позаботишься, я в этом более чем уверен. Поддай идею этому человеку... Я скажу тебе завтра. Ее нужно будет как следует отшлифовать. Но она может привести его к пропасти. Женщина – суть каждой проблемы и причина каждого падения. Правда, матушка?

— Правда, мой дорогой, — расцвела она в ответ, — хочешь сыграть на таинственной незнакомке? Изволь. Раз уж мы заговорили о женщинах... Пантора жалуется на тебя, — Аоланза игриво шлепнула его по плечу сложенным веером.

— Да? – ни капли участия, ни крохи интереса.

— Да, — передразнила она. — Ты совсем не уделяешь ей внимания.

— Она мне неинтересна.

— Бедная девочка и так обделена природой, ей дана хотя бы красота взамен на слепоту!

— Мне жаль, но умом она обделена так же, как и зрением. Ее дочери все равно умерли, она послужила цели – теперь может с отступными возвращаться в свой дом. Я давно говорил ей об этом.

— Чудовище, — звонко рассмеялась Аоланза, — ты был единственным мужчиной в ее жизни. Ладно, — она подняла руки, сдаваясь, — я дам ей... скажем, поместье недалеко от Арани и три тысячи золотых годового дохода.

— Как вам будет угодно, матушка.

— Бр-р, от тебя веет холодом, как от ледника, — она снова улыбнулась, — бедняжка Пантора. Она ведь потеряла троих детей, а теперь и тебя... Но ее горе послужило нам, и теперь мы знаем, что ты здоров и вполне состоятелен. Ты засиделся в девках, Войцех, — торжествующе и задорно заявила она, внимательно следя за его выражением лица. А ну как сейчас скажет ей в лицо, что надоела со своими идеями?

— Я обдумал этот вопрос, — невозмутимо ответил он, встречая ее взгляд. — Но пока не готов делиться с вами соображениями, матушка. Я слишком сосредоточен на меерском походе, — он устало потер глаза и на мгновение стал таким человеческим, даже оторопь взяла, — дней

через десять Аргирос должен взять Халькию. Мне станет сразу спокойнее, и я смогу поговорить с вами об этой, несомненно, волнующей вас теме, – он что, умеет говорить иронично?! О, светила небесные. Пережить бы это открытие.

— Сережки!

— Да брось ты эти серьги, — уже почти жалобно говорит Эдис, отчаянно отталкивая ее от сундучка с украшениями.

— Жалко же! – такие красивые камешки, малахитовые сережки дарила мама на день рождения, а эти золотые капельки – Еввия... а это колечко – папа. Ох, папа...

— А нас не жалко? Мама говорит, что в детинце кто-то все вынюхивает, выведывает, доносит! Надо бежать, пока не поздно, думаешь, почему нас среди ночи подняли? Чтобы никто точно ничего не узнал.

Ильге зажмурилась и часто закивала. Конечно, все понятно. Но почему-то детинец перестал быть родным домом! Мама и ей говорила, что многое кажется подозрительным, где-то прячется доносчик, который не упустит шанса их погубить. А Эдис теперь очень важен для всей Меры. Так уезжать не хочется... Жалко сережки, и книжки, и колечки, и венцы!

— Я только возьму сундучок, ну пожалуйста, пожалуйста! – попросила она и Эд, конечно, согласился.

— Пойду скажу Еввии, что мы уезжаем сию минуту, — только и сказал он.

— Я с тобой! Мы всегда вместе! – и так радостно видеть его улыбку, словно смотреться в зеркало.

— Который час? – сонно пробормотала она, всплывая из какого-то сладкого и светлого сна.

— Спи, до рассвета далеко, и мы уже далеко, — прошептал голос Эда, и его рыжие длинные волосы защекотали нос, а его руки накрыли ее с головой меховым одеялом. Ильге вцепилась в него и снова заснула. Как же хорошо. Все будет хорошо.

Свист стали и легкие, почти неслышные шаги и перескоки – признак мастерства, как сказал бы отец. Частое рваное дыхание застило взгляд паром, позвякивание колец кольчуги о нагрудник и чеканных пряжек на поясе оглушало обостренный слух. Лезвие разрезало воздух, удары в воздух сменялись легко и естественно, наносились точными, скупыми движениями. Посмотреть бы на себя в зеркало, как в тренировочном зале в замке... Наверняка, наверняка это выглядит очень красиво. Круговой справа и сразу же за ним отнойной слева, а через мгновение – он ясно увидел это — клинок, остро сверкнув, описал дугу над головой, чтобы, набрав скорость, обрушиться на приоткрывшийся правый бок воображаемого противника. Враг повержен и умоляет о пощаде. Превосходно.

Аргирос устало выдохнул, прокрутил в руке меч, глядя, как блестящая светлая сталь разбрасывает блики. Лицо залил холодный пот и – одновременно – жар от бросившейся в голову крови. Ножны в высокой траве нашлись не сразу. Не надо было, впрочем, их так небрежно бросать куда попало. Руки кололи сухие стебли, отрезвляя, возвращая в реальность, болью напоминая о земле, а не о небе, на которое хотелось смотреть до рези в глазах, лишь бы отвлечься.

Еще очень ранним утром ветер был свежим и даже прохладным, он нес вуаль облаков, подсвеченную блеклым рассветом. Солнце только-только показалось в сплетениях лесных ветвей: белый свет сквозь черную бахрому. Символично. *Lux ex tenebris*², так говорили в древности на каком-то забытом языке, от которого осталась лишь горстка почему-то значимых выражений.

² *Lux ex tenebris* – лат. свет из тьмы

Только в такой час и можно было заняться любимым делом – дни и вечера даже сейчас, в отсутствие военных действий, были насыщены советами и собраниями, встречами с тысячниками и множеством проблем, ежечасно возникающих в лагере и требующих внимания воеводы. Необходимая, утомительная скука. Еще и высокородная гостья доставила проблем. Она тревожила: уже два дня девушка почти ничего не ела, избегала всех, кроме служанки, говорившей по-меерски (но и с ней она была не очень-то ласкова и дружелюбна), была очень печальна, а всякий раз, когда Аргирос пытался поговорить с ней, тускло отвечала, что ей нездоровится, и она бы не желала никого видеть. Он был благодарен, что красавица не отвечала, как пыталась в их первый разговор: «кто вы, воевода, чтобы я опустила до этого презренного разговора». Наводило на определенные мысли... Он начал подозревать, что гостья принадлежит к царскому роду и однажды попытался вспомнить все, что ему известно о правящей семье.

Царь Георгий XI. Фамилия – Хальканта. Хотя непонятно, фамилия или прозвище... Кажется, его отца звали Ксант Хальканта. Значит, фамилия. Царица Алексия, сестра верейского князя. Этот князь не очень богат и не очень влиятелен, известна эта династия только тем, что периодически соединялась с меерской. Детей у царя пятеро. Трое сыновей, двое дочерей. Двое старших, Ксант и Седрос – Аргирос знал точно – погибли в Межполье. Младший царевич, его сестра-близнец и их старшая сестра – Эдонис, Ильге и Еввия – находились в Халькии вместе с матерью. У Георгия, кажется, были сестры, которые стали супругами морионских, каменских и хевитских князьков, но чтобы они сами или их дети находились в Мере – маловероятно.

Он кликнул слугу с кувшином воды и широким серебряным тазом, чтобы ополоснуть торс и лицо. Первая порция ледяной воды выбила из легких воздух. Захотелось сжаться в комочек, но Аргирос с нервной улыбкой, которая свела застывшие губы, расправил плечи, подставляя грудь под новую холодную струю, назло себе, назло всем. Смахивая ладонями капли согретой телом воды, Аргирос отвлеченно думал о том, что нужно бы как-то разговорить девушку, ну хоть как-нибудь, подарками, угрозами, лестью, Лукасом... Но сознание стало точно стеклянным, думать ни о чем не хотелось, словно это приносило боль, и на тело навалилась ноющая, тупая боль – как всегда бывало, когда он вновь брался за меч после долгого отдыха.

Отослав слугу с кувшином и мечом, растерев пучком травы ноющие руки, воевода отправился в большой шатер, где дважды в день собирались все младшие воеводы – тысячники, избранные сотники. Нужно было рассказать о планах взятия Регне, и, выслушав все предложения, составить для тысячников руководство. Возглавить поход на Вторую столицу Меры должен был Казимир.

— На Регне я отправлю четыре тысячи. Матеуш, Ежи, Леслав, Стефан, — он дождался кивков, — штурм города не должен продлиться долго, не дольше двух-трех дней, все же Регне – торговый город; там живут ювелиры, а не воины, и они умеют вить скань³ из проволоки, а вовсе не оружие в руках держать. Поэтому Регне так важен для нас – он что наливное яблоко на низкой ветке – и сладко, и сорвать легко. Огромные богатства, неисчислимое количество украшений и драгоценностей...

Собрание слушало, как один человек, не прерывая ни единым словом, ни слишком громким вздохом, ни стуком пальцев по столу, ни шуршанием подошв о ковер. В паузах Аргирос слышал, как снаружи лаяли собаки в звенящей тишине. Он умел говорить, это признавали все. Умел заставить слушать и слышать, подчиняться красивым речам, увлекая слушателей за собой, на этот раз – в поистине сказочный медный город, словно свитый из тонких проводочных кружев, усыпанный цитринами и янтарем. Где, говорили, даже небо не голубое и не

³ вид ювелирной техники: ажурный или напаянный на металлический фон узор из тонкой золотой, серебряной или медной проволоки, гладкой или свитой в верёвочки

синее, а словно бы из светло-оранжевого стекла, будто сделанное из спессартина⁴. Уже только взглянуть на Регне было бы пределом мечтаний многих. Он сам никогда его не видел. Но умел сказать так, как никто из наблюдавших чудесных город каждый день.

— Но есть одна деталь, — он внимательно оглядел собрание, глядя на каждого и каждому даря теплый и доверительный взгляд, — мне не нужны бессмысленные грабежи и убийства. Регне — шкатулка с баснословными богатствами, и часть их (поверьте, немалая!) будет справедливо распределена между всеми. Поэтому не берите ничего для себя. Если кого-то уличат в мародерстве, то наказание будет суровым. Вы и сами это знаете. Ралидийское войско состоит не из разбойников, ведь правда? Мастерам и умельцам я предложу работать на Ралидию, поэтому не убивайте всех подряд. Живые ювелиры и неразграбленный город принесут больше денег и славы господарю, чем пепелище на месте Второй столицы и горы трупов. Помните об этом. Прошу.

Услышав нестройный хора слов согласия и одобрения, продолжил:

— Я напишу Казимиру и каждому из участвующих в этом походе тысячников грамоту, в которой будут мои советы к взятию, извольте придерживаться их. Там будет описано, что желательно сделать, а что — нет. В дороге сможете изучить эти бумаги. Что ж, я задержал вас, вам пора к своим воинам; готовьтесь выступать завтра на рассвете. Благодарю, — Аргирос коротко поклонился, прикоснувшись кончиками пальцев левой руки к груди, как это было принято у ралидийцев. — Утром я провожу войско на несколько лиг, как того требует обычай. Казимир, останься, — легко шепнул он другу. — Нужно поговорить наедине.

Дождавшись, пока выйдут все младшие воеводы, пока в легком сиреновом полумраке шатра стихнет разноголосый оживленный шум, Аргирос быстро начал:

— Во-первых, о Регне. Не нападай ночью, очень тебя прошу. Дождись рассвета. Хочу, чтобы ратная слава моего оружия досталась мне не в ночном мраке. Еще, повторю, я хотел бы сохранить город от разрушений. Пусть его возьмут малой кровью.

— Слишком заботишься о чести, — Казимир нахмурился, но, вопреки опасениям Аргироса, возражать не стал. Глядел внимательно и серьезно.

— Спасибо. Но так мне и господарь советовал. В одном из писем напомнил. Во-вторых, что мне делать с этой девушкой? Я голову сломал, пытаюсь найти лучшее решение. Мне не хочется причинить ей вред в попытках заставить говорить. Но и отпустить не могу!

— Подожди пока, подожди. Будь с ней обходителен, постарайся, чтобы она тебя хотя бы не ненавидела. Моя сотня, конечно, день и ночь несет караул вокруг твоего шатра — ни птица не пролетит, ни мышь не проскочит, но все же я не хотел бы однажды проснуться в ночи от криков, что тебя пытаются зарезать. Молчит — ну, молчит. Но не вечно ж будет сидеть как немая, девки-то подолгу вообще молчать не умеют, знать, у них язык так устроен. Заговорит. Скучно станет, загрустит — а погориться некому. И начнет болтать, помяни мое слово, ты еще от нее не отвяжешься. Да, и не стоит никому говорить о нашей... гостье такой красивой. Даже господарю Войцеху. Умолчи, — Казимир посмотрел со значением, и Аргиросу от этого взгляда стало почему-то не по себе. — Пока в том нет нужды: кампания идет неплохо, мы справляемся, — Казимир ободряюще улыбнулся и похлопал Аргироса по плечу. — Не беспокойся. Всего лишь девка, — усмехнулся в усы, — у тебя, честно говоря, в этих шести походах таких много было.

— Твоя правда, — Аргирос немного оживился и уже не чувствовал себя таким усталым и опечаленным. — Спасибо. Все так просто, но я очень устал в последнее время, меня все тяготит и тревожит, и я с трудом сосредотачиваюсь на деле. Вот поговорил с тобой, и стало немного легче. Что я буду делать, когда тебя не будет рядом?

⁴ довольно распространённый минерал различных цветов - от желтого до оранжево-коричневого, силикат из группы гранатов.

— Что-что? Будете болтать с Лукасом, как две торговки на рынке.

— О нет! — он шутливо закатил глаза, — больше часа его болтовни я не выдержу! Ему двадцать три, но иногда мне кажется, будто всего тринадцать. Признаюсь, я иногда задумывался о том, не отправить ли его в отставку.

— Не вздумай, — рассмеялся Казимир. — Где еще найдешь такого преданного друга и умелого воина? Молод, конечно, беспечен и бесшабашен, но уже годам к тридцати из него выйдет отличный воевода. При всех его недостатках, когда действительно нужно, он стоит насмерть. Поэтому смотри у меня! Не обижай мальчишку, — его глаза смеялись, и Аргирос незаметно развеселился тоже. — Иди, возьми этого непутевого, поезжайте верхом в лес. Развеешься, отдохнешь, и ему, может, свежим ветром дурь всякую из головы вытянет.

В предлесье, где деревья растут не так густо, гулял теплый ветер. Сентябрь выдался звонкий и сухой, обласканный южными ветрами, овеванный легкими дымками по утрам. Среди деревьев – вечерние сумерки, коричневые и пыльно-голубые. Аргирос на любимом Вранко и Лукас на своем буланом жеребце ехали медленно, словно коням было тяжело идти в вязком вечернем воздухе, и Аргирос вскоре даже бросил повод.

Остывающее небо в пелене. В синеющих сумерках величественная громада леса нависала над головами. С тяжелеющими кронами стояли березы и ольхи, клены и липы. Лес еще не оделся в осенние драгоценные одежды, но лиственные деревья уже укутаны золотистой газовой тканью – прозрачной и блестящей, и под ней все так же видна зеленая еще листва. Аргирос очень любил это время, когда ранняя осень отчего-то похожа на позднюю весну – все так же светит солнце и трепещут на ветру блестящие листья, и погода стоит сухая и теплая, но иногда налетает неожиданно прохладный ветер; тогда радость наполняет сердце — беспричинная и неправильная – радость о будущих надеждах.

— Ты хотел о чем-то поговорить, Арс? — Лукас нарушил сладкую сумрачную тишину.

— О девушке, — спокойный и умиротворенный еще мгновение назад, Аргирос нахмурился. — Казимир советует никому не говорить, что она в наших руках. Говорит, это очень важный козырь, его нельзя пока показывать. Даже, бездна ее побери, если мы не знаем кто она. Может, потому и не говорит, что не дура и осознает важность этих сведений?

— Верно говоришь, — задумчиво откликается Лукас. — Должно быть, ее семья в Халькии. И она должна быть близка к царской. Я в этом уверен. Арс, — вдруг захохотал он, — почему бы тебе не жениться на ней? Аргирос недоуменно покачнулся в седле.

— Зачем? Что ты выдумал?

— В прошлых походах ты уже в первые дни вторжения находил себе жену, а в Мере мы уже месяц меряем ногами эти бесконечные дороги, а ты даже не заикнулся о том, что пора бы и вспомнить про наши старинные традиции.

— Ах, вот оно что, — воевода досадливо поморщился, — войску так полюбились эти балаганы, в которых – о небо! – принимает участие их предводитель? Добровольно приносит себя в жертву на посмешище своим же воеводам и простым воинам?

— Арс, прекрати, ну какое посмешище! — Лукас, ехавший впереди, ловко развернул коня, преградив дорогу. — Тебе и самому это, — хмыкнул, — отчасти нравилось. А жена не может мужа послушаться. Вот спросишь, как звать, какого рода-племени. Все расскажет... ну или в какой другой момент спросишь.

— Какой другой? – Аргирос уже слушал не очень внимательно.

— Ну такой другой.

— Тьфу ты, не сбивай меня с мысли! – буркнул он и недовольно отмахнулся.

Понадеялся, что об этой традиции забудут на этот раз. Вот кто дернул Войцеха тогда в Парвисе вспомнить эту историю? В письме он чуть ли не кокетливо спрашивал, кому пришла в голову такая замечательная идея, но Аргирос помнил, что у походного костра господарь вспо-

минал разные старинные легенды, а Казимир (тогда еще в звании пятисотенного) добавлял что-то интересное, известное в его роду – одним из старейших в Ралидии. Аргирос ничего такого не знал – мать воспитывала его на имперских книгах – и слушал все с огромным интересом.

Давным-давно Ралидия была не огромным мощным государством, оплотом науки и философии, а маленьким клочком земли посреди материка Силь, и правил там не государь, а князь – история запомнила его имя – Собислав. Князя тяготили его бесплодные земли, малочисленные подданные, и однажды он с малой дружиной обманом и силой захватил престол соседнего княжества – Торгосы. У убитого им торгосского князя была красавица-сестра – толстые косы цвета вороньего крыла, глаза, как утреннее небо. Собислав, едва надев княжеский венец, женился на ней, загадав на свадьбе: если девушка окажется доброй и ласковой женой, то править ему в новом государстве легко и беззаботно, а если будет показывать гордый характер, то будет торгосский народ всяческие препятствия чинить, мстить за убитого князя.

Как Собислав загадал, так и случилось: и Боглара, робкая, боязливая, ни в чем не смела перечесть мужу, и Торгоса покорно склонилась перед новым князем.

Некоторые ралидийские правители часто отправлялись в завоевательные походы – так и увеличивали размеры крохотного княжества, которое на картах частенько принимали за озеро. Сам Собислав много земель соседних княжеств и герцогств присоединил к своим владениям, и в каждом походе, едва ступив на чужую землю, для него искали девушку – красивую и кроткую, которая должна была стать символом покорения страны. Ему не приходилось опасаться ревности княгини: Боглара умерла в родах, а несколько дней спустя не стало и ее новорожденной дочери.

Так и укрепился этот обычай, и долгое время хорошим знаком для начала царствования нового господаря считалась женитьба на чужестранке, в приданом у которой была целая страна. Сменился пяток-другой князей на тронах, Ралидия постепенно выросла – когда за счет захвата чужих земель, а когда и по соглашению с другими маленькими княжествами. В те стародавние времена карта материка была похожа на пестрое лоскутное одеяло – все испещрено маленькими княжествами. Таким нехитрым образом раньше делили среди наследников земли и наделы: старшему – побольше, младшим – поменьше. Вот и получались государства размером с город: зато никому не обидно.

Аргирос очнулся от размышлений, когда в щеку впился комар. Досадливо смахнув насекомое, улыбнулся: пока возвращаться из прошлого в настоящее. А в настоящем, кажется, стало на одну проблему меньше.

Глава IV. Потерять и найти

— Здравствуй, хозяин! – молочница во весь рот улыбнулась Алькору.

— Ох, какой я вам хозяин, — улыбнулся он в ответ. Яркое солнце на рассвете ослепило его, едва стоило перешагнуть порог темной клетки.

— Кто живет, тот и хозяин. Передашь хозяйке Ириде Фотисе⁵, что Мелейна из Белого Камня приехала? Вон, — она обвела рукой небольшую повозку, всю уставленную кувшинами, — сколько молока.

— Так много? – Алькор потер лоб. – Ирида! – крикнул в дом.

— Беженцы неделю назад приехали, пришлось взять. Две сестры и их детушек на двоих семь человек, да две коровы с ними, да коза – ну куда ж им идти, если добрые люди не приютят? А так и мне не слишком накладно – молоко с их коров в уплату жилья. Да и им остается. Ох, тяжело-то как сейчас, из-под Межполя пришли, деревню их разорили, едва успели ноги унести... вы, хозяин, верно, не видели, но я уж неделю вожу такую страсть – от шести коров-то!

Едва держа глаза открытыми, Алькор с нетерпением слушал молочницу. Спать хотелось так, что хоть стоя уснуть – к косяку дверному прислониться, и то ладно. Но нет, все говорит и говорит.

— Какая вы добрая, что их приютили, — только и смог вымолвить он женщине.

— И то верно, ну, своих-то не бросаем, — еще пуще принялась она тараторить. – Позвольте перед обратной дорогой молока хлебнуть?

— Конечно, можно, попейте, Мелейна Кироса, попейте, — на крыльце уже стояла Ирида, вытирая руки полотенцем. Она не успела убрать волосы под плат и, увидев Алькора, немного смутилась и постаралась спрятать их под ворот рубахи. Она стояла против восходящего слепящего солнца, и все же Алькор заметил, что она была очень бледной и еле держалась на ногах, хоть и улыбалась. – Алькор, ступайте, вы же в храм торопились, а я молоко приму. Дайте-ка, и я отопью: и у ваших коров, Мелейна Кироса, молоко отменное, и от новых я уже оценила, но я всегда пробую товар, сами знаете.

Алькор, наскоро попрощавшись с женщинами и отказавшись от молока – с утра мутило, наверное, с недосыпа, — помчался в храм. Как обычно, дел было невпроворот.

Тут и там по встречались люди, идущие по улице с тканью у рта и носа – по совету жрецов, пропитанной хвойными маслами. Насколько помогали все меры против поветрия, судить пока было трудно, но Алькору казалось, что ежедневный поток больных «служанкой» слегка уменьшился. Однако едва он вошел в прохладные внутренние помещения храма, обязанности захлестнули с головой: больные, выздоравливающие, их родственники, помощники, снадобья, отчеты, семена болезни, омовения, перевязки... Кажется, он даже не ел. Пришел в себя он, взглянув в окно и увидав там белый диск луны. Крайос сочувственно похлопал его по плечу:

— Помнишь, мы одному больному давали раствор с плесенью внутрь? Мне кажется, за ним стоит присматривать постоянно. Придется пару раз встать к нему ночью. Хочешь, переночуешь в моей келье? Не нужно будет тратить время утром на дорогу. А я потеснюсь, ничего.

Алькор не сразу понял, чего наставник от него хочет. Проморгавшись, он сумел только обессиленно кивнуть.

— Совсем заработался, — огорченно шепнул Крайос, — пойдем отдыхать. Ночью подежурят другие. Первый раз вижу, чтобы молодой жрец так самозабвенно работал...

Домой Алькор попал только через два дня. Больной, за которым они с Крайосом наблюдали, пошел на поправку. Это было только началом важного опыта: можно ли лечить от семени

⁵ По меерскому и верейскому обычаю второе имя дается в честь отца; у женщин это женская форма мужского имени. Второе имя аналогично отчеству и употребляется, когда говорящий хочет выказать уважение к знакомому.

болезни все тело, скажем, лихорадку, а не только раны? Алькор был очень доволен собой: он записал концентрацию снадобья и намеревался опробовать ее еще на ком-нибудь. Кто знает, вдруг это поможет тем, кто сейчас еще считается неизлечимым? Домой он не посылал: Ксадра и Ирида знали, что он может задержаться в храме, поэтому не должны были беспокоиться.

Поворачивая в проулок дома Ириды, он почуял что-то неладное. Странные запахи витали в воздухе, и – он принюхался, — это не лечебный дым против поветрия. Корица и... розовое масло? Неужели кто-то в переулке умер? Ведь розовым маслом умащают тело, а корицей, тысячелистником и ромашкой посыпают пол – эти запахи особенно приятны богам, и они милостиво будут судить душу умершего.

Алькор осторожно приоткрыл дверь и едва поборол желание захлопнуть ее обратно и убежать сломя голову. В сенях стоял гроб. Не дыша, едва ступая по крошеву из сухих трав, он приблизился, боясь заглянуть. Ирида. Рядом с ней – близнецы. Они прижались к матери, и это все, что Алькор смог увидеть. Он отвернулся, чувствуя, как взгляд застилается горячей пеленой слез. По лестнице загрохотали торопливые шаги, и уже через несколько мгновений на его плечо легла легкая рука.

— Они так быстро ушли, — прошептала Ксадра, едва сдерживая рыдания, — кровавая рвота, а она все равно кормила... Позвали жреца из храма, он дал снадобья, но они не помогли. Он и сказал, что не помогут. Она давно... болела. Просто никому не говорила, как-то держалась...

Ксадра стиснула его руку до боли. Огромные глаза из-за слез показались совершенно бездонными. Алькор неловко погладил ее по спине. Он не мог больше ничего сделать. Не знал. Он ничего не знал! Не смог распознать первые признаки, не придал значения кровавым прожилкам в помойном горшке – а ведь это была рвота с кровью! Не смог (или забыл?) попросить какого-нибудь жреца осмотреть Ириду, не смог связать беженцев в доме молочницы с тем, что и она могла быть больна, не смог, не смог, не смог...

— Прости меня, Ксадра, — только и смог он выдавить. На руке, которой он неловко гладил Ксатру по плечу, задергался большой палец – как всегда, когда Алькор слишком волновался.

— Не кори себя понапрасну, — хрипло и бесцветно прошептала она, — ты был занят. Ты помогал другим. – Ксадра вытерла лицо платком и, встряхнув головой, отошла на шаг назад. – Это очень важно. Нет, нет, — она жестом пресекла попытки Алькора возразить, — молчи. Теперь у меня никого нет. Завтра мы похороним ее, справим тризну, и я уйду.

— Куда? – от тревоги перехватило горло.

— А не знаю, — Ксадра нетерпеливо махнула рукой и горько улыбнулась, — куда глаза глядят. Теперь я перекасти-поле. Покачусь, куда ветер дунет. Ни корней, ни цветов, ни плодов.

— Зачем ты так? – Алькор нахмурился, случайно встречая взглядом гроб, но Ксадра уже взбежала по лестнице в терем.

Алькор никогда не терял близких, но на похоронах бывал часто. Он знал, что как бы ни тяжела была потеря, на тризне напряжение спадает, и зачастую даже самые безутешные на минуту-другую забывают о горе. Он полагал, что это жизненно необходимо: траур, остановка жизни ближайших и коренное изменение десятков жизней других людей, похож на задержку дыхания. Как бы ни силился ты во время нырка удержать легкие в подчинении, тело, как это ни странно, мудрее ума, и рано или поздно вода над головой расступается и – воздух, желанный воздух.

Хоть за неделю Алькор недостаточно сблизился с семьей Ириды, чтобы стать ее другом, он был искренне ей благодарен за кров, обильный стол и теплое расположение. За то, что было куда возвращаться после тяжелой службы – а теперь некуда. Ксадра убеждала, что брат Ириды, конечно, позволит ему жить в доме сколько понадобится, но Алькор твердо решил, что это не слишком-то прилично с его стороны, особенно, если Ксадра уедет. Крайос обещал посдей-

ствовать... И Алькор с тревогой ждал следующего дня, когда наставник должен был сказать о решении.

Вечер они с Ксадрой коротали в харчевне на главной площади в части Конста. Алькор, перед тем, как отправиться в Халькию, изучил ее карту и знал, что город разделен на четыре части, названные именами богов – Конст, наиболее близкая к детинцу, Элафрии, где находились в основном дома служащих в столице воинов, Альтеир с многочисленными травническими и ювелирными лавками, и Тилеона – самая большая, самая многоголосая и многолюдная. Ксадре такое разделение было в новинку.

Они сидели за маленьким столом у окна. У каждого – остывающая миска жаркого, плошка тризны⁶ и кружка питня⁷. От запаха корицы, который всегда казался Алькору приятным, уже стало свербеть в носу, и, пытаясь отогнать навязчивый запах, он то и дело прикладывался к кружке. Ксадра равнодушно смотрела на еду и на свечу на столе, лишь изредка отправляя в рот ложку тризны.

— Знаешь, — неожиданно сказала она, отставив плошку и придвинув к себе поближе кувшин с питнем, — когда я шла в Халькию, на тракте мне встретился жрец Илины. Он сказал мне, что в столице я встречу мужчину, который станет мне родным. Я тогда посмеялась, сказала, неужели я, вдова, замуж выйду. Он так улыбнулся и говорит: может, и замуж выйдешь. Но обязательно встретишь родную кровь.

— Ого... Интересно, — едва проглотив жесткий кусок мяса, отозвался Алькор. — так ты вдова? — он слегка смутился, — прости, я никогда не спрашивал, что у тебя с семьей. Казалось неприличным, если ты сама не говоришь. А вдовый платок ты не носишь...

— Не ношу, — Ксадра сама словно бы удивилась. — Почему-то. Мой муж, Пелисс, погиб год назад в Лориве.

— Он лоривец?

— Нет, нет, — она улыбнулась, — из Меры. Из Эатона.

— Полагаю, он не мог родиться в городе, посвященном Элафрии, и не стать либо воином, либо наставником воинов, — Алькор тоже слегка улыбнулся. Чувствовать себя по-настоящему еще живым пока казалось неуместным из уважения к ее горю.

— Точно. Он родился в династии воевод. Но был младшим сыном и считал ниже своего достоинства пробиваться, используя знаменитую фамилию.

— Предположу, что фамилия Дорос?

— Не ошибешься, — булькнула Ксадра в кружку, — мое имя – Ксадра Дорос. Или, если учесть мой вдовый статус, Одорос⁸. Его семья не приняла меня. Моя семья не приняла его, наемника, охраняющего купеческие караваны и устраняющего неугодных какому-нибудь знатному человеку.

— Как он погиб?

— Это самое интересное. Один заказчик из Лорива пообещал ему буквально горы золота, если он убьет Аргираса Сильфера. Пелисс взялся. Я хотела уехать с ним, но он не позволил, — Ксадра откинулась на стул, утерла мокрый лоб, — там он и умер. Мне сказали потом, что он готовил покушение вместе с тогдашней лоривской женой Аргираса, герцогиней Марцелиной, но оба они потерпели поражение и оба были убиты.

— Я сочувствую, — серьезно и веско произнес Алькор, глядя на притихшую Ксадру. — мне очень жаль... твой муж взял на себя слишком сложную задачу. Непобедимый Аргирос... сколько про него толков ходит.

⁶ Тризна в Халькии и Верее – поминальное кушанье из вареной пшеницы, вяленых яблок и изюма, щедро сдобренное приправами, обычно корицей. Если позволяет состояние поминающего, подается с засушенными розовыми лепестками.

⁷ Питень – мельной напиток с медом и душистыми травами

⁸ В Халькии вдова могла оставить фамилию мужа, если ей доставалось наследство, или вернуться к девичьей, в противном случае она должна была прибавить к мужниной фамилии букву «О».

— Знаю, знаю, — протянула она, уронив голову на руки. Алькору показалось, что в ее глазах заблестели слезы, — я жадно слушала все, что о нем говорят. Что он, дескать, справедливый и благородный, что мудро командует такими многочисленными войсками. Выдающаяся тварь.

— Я ни разу не слышал, чтобы герцогине Марцелине помогали, — осторожно заметил он.

— Она его не выдала, точнее, не успела. Ну и слава богам. Одному из их слуг удалось бежать, он отправился в Меру. За полгода меня разыскал и рассказал, как все было.

— Прошу прощения, добрый вечер, — раздался над ними голос, и на столик упала большая тень. Алькор внутренне сжался, готовый бить или бежать, а рука Ксадры — практически незаметно — скользнула под плащ к кинжалу.

— Добрый вечер, — настороженно ответила она. — Кто вы?

Говорящий осторожно откинул капюшон, и Алькор в тусклом свечном свете смог разглядеть лицо немолодого мужчины. Лет пятьдесят, борода темная с проседью, серые — кажется — глаза. Выглядит благовидным...

— Меня зовут Янош Спата, — мужчина говорил доброжелательно, и Алькор слегка успокоился.

— Спата⁹? — непроизвольно переспросил он. Мужчина кивнул.

— Именно так. Скажу без ложной скромности, я неплохо управляюсь с этим оружием. Это мое прозвище, данное за мастерство.

Ксадра жестом пригласила Яноша сесть рядом и ни на мгновение не отрывала от него острого взгляда. Алькор досадливо потер вновь задержавшийся палец — никак не уймешь.

— Чем мы можем быть полезны, Янош? — осторожно спросил он.

— Ксадра Дейниса, не хочешь ли ты отомстить за смерть своего мужа?

Ксадра оторопела. Очевидно, незнакомец назвал ее девичьим именем — именем отца. Она, моргая, смотрела прямо в глаза Яношу, и Алькор с замиранием сердца видел, как кричат ее губы.

— Хочу, — выплюнула она и замолчала, сцепила руки в замок. Ну, мол, и что дальше?

— Брат Алькор, младший жрец, не хочешь ли ты помочь Мере освободиться от ралидийского владычества и не допустить худшего, что, да не допустят боги, не случится?

Алькору вдруг стало страшно. Они не представились, однако этот человек знает и их имена, и звания. Он мог подслушать рассказ Ксадры о муже, но откуда он знает все остальное? Алькор молчал, глядя на Яноша.

— Объяснитесь, пожалуйста, — насколько мог, спокойно произнес он, ткнув носком сапога Ксадру куда-то в ногу под столом, чтобы начеку была.

— Заметьте, — усмехнулся Янош в усы, — я пришел с миром и беседую очень учтиво. Не бойтесь. Я не причиню вреда. Лишь хочу сделать предложение, которое может вам понравиться. Вижу, вам интересно, и вы все обратились в слух и зрение. Я — бывший мастер над мечниками при верейском дворе.

— Почему бывший?

— Срок моей службы — пять лет — истек. Я учил владению оружием княжеских детей и порой составлял компанию и самому князю. Мою службу в Верее высоко оценили: при отъезде князь даже вручил мне грамотку с благодарностью и заверениями в том, какой я замечательный наставник.

Янош Спата тепло улыбнулся и достал из какого-то внутреннего кармана сложенный вчетверо листок. Алькор вопросительно глянул и, получив в ответ кивок, осторожно развернул грамоту. Там действительно была благодарность, подписанная князем Лестваном и княгиней Йенелик. Алькор, конечно, знал, как выглядят подписи правителей многих государств, и

⁹ Прямой и длинный обоюдоострый меч длиной от 75 см до 1 м

особенно дружественных Мере. Да еще и печать, уникальная верейская печать... Вот и герб Вереи до мельчайших деталей: в черно-белом белищем поле с треугольной оранжевой главой золотой ёж. У ежика прорисована каждая иголочка, ну надо же!

— Ксадра, это настоящая верейская грамота. Я уверен, что наш новый знакомец говорит правду.

Янош убрал грамоту и подмигнул:

— Как же приятно иметь дело с образованным молодым человеком! Вот в чем состоит мое предложение: присоединиться к особому отряду повстанцев, всячески-всячески мешающих ралидийцам продвигаться вглубь Меры и укрепляться на захваченных землях. Отряд кочует за основным войском, вредит, помаленьку устраивает вылазки в станы врага, крадет припасы. Капля в море... и все же! На своем опыте скажу, что в критические моменты незримый враг, следующий по пятам и постоянно жалящий, может здорово подорвать боевой дух. Надоедливый комар – прихлопнуть легко, но в темноте за часок-другой умает так, что мало не покажется, да и прихлопнуть не выйдет – не видно!

— Ох, ведь то, что вы предлагаете, Янош, – очень опасно.

— Опасно везде. Сами знаете – столицу терзает поветрие, которое скоро и на другие города перекинется. Восток весь под властью Ралидии... С северо-востока Парвата под их властью, опасно, знаете ли, там возле границы. Беженцы, сироты. Сами мы сироты без царя, вот что самое опасное. Можно прятаться и дальше за стенами, но война настигнет.

— Хорошо говоришь, — Ксадра как-то опасно прищурилась. Алькор на мгновение задумался о том, не было ли ремесло наемника общим для четы Дорос...

— Наградой за смелость и ловкость для отряда становится добыча. Оружие ралидийцев, их доспехи, лошади, и то, что они награбили у меерцев.

— Сколько человек в отряде?

— Четырнадцать.

— Многих ли ралидийцев вы убили?

— Сто семьдесят двух, включая десятерых наместников и двух тысячников.

Алькор вдруг все понял. Какой же боги послали ему шанс! Он погубил невинные жизни бездействием. Он не справился с эхом войны в тылу. Может, сами боги направляют его к источнику бед? Искупить вину, испытать опасность и почувствовать на вкус настоящую борьбу – может, в этом его призвание? Его знания пригодятся в отряде. Он будет полезным, возможно, даже более полезным, чем здесь, в храме. Алькор понял, чего хотел с тех пор, как вдохнул полной грудью травяной аромат возле гроба: сбежать. От себя? От того, что натворил? Стало вдруг неважно.

— Клянусь Илиной, если все, что ты сказал, правда, если ты не причинишь мне зла, — Ксадра по обычаю во время клятвы богине поднесла ладонь к пламени свечи, — я...

Огонек лизнул ее руку, не оставив следа.

Лес ранним утром звенел на все лады птичьих голосов. Нежаркое еще солнце скользило по листьям, его лучи, проникая сквозь свод крон деревьев, высвечивали яркие зеленые пятна: казалось, будто травы, усыпанные каплями росы, могут светиться изнутри. На залитой светом полянке, иногда поскользываясь на влажной траве, Алькор кружил напротив Яноша – лицом к лицу, сжимая в руке тренировочные деревянный меч. Их поединок со стороны, наверное, был похож на игру в кошки-мышки, где кошка – разумеется, Янош.

Алькору, захваченному рисунком опасного танца, казалось, будто все его движения лаконичны и отточены, он стремителен и ловок – за рубящим горизонтальным ударом Яноша следовал молниеносный подсад Алькора, за засечным ударом слева – блок! Еще один и изящный подсед под клинок.

— Алькор! — Рывкнул Янош, — зачем подсел? Потеряешь силы! Слава Савину, у нас деревянные мечи, иначе ты бы мгновенно затупил сталь бесчисленными блоками.

На такое он никогда не обижался. И так понятно: боец из него ужасный, если не сказать хуже, но так легко забыться в азарте боя и начать считать себя прекрасным фехтовальщиком! А ведь он до встречи с Яношем меч-то и в руках никогда не держал.

Алькор не удержался на ногах, заскользил по все еще влажной траве и, бестолково взмахнув руками, упал навзничь.

— Ты убит! — радостно сказал Янош, возмутительно свежий и ничуть не уставший. — Напомни мне, который раз за это утро?

— Шестой, кажется, — прохрипел Алькор. Удар выбил из него дух. Он лежал на спине, чувствуя, как рубаха становится мокрой от росы, но не находя в себе сил ни приподняться, ни даже смахнуть с лица прилипшие светлые волосы. Воздуха в легких не хватало, а глубже вдыхать было больно. Кровь прилила к щекам и шее, и стало почти нестерпимо жарко. — Янош, я больше не могу. Сил нет, не могу.

— Поднимайся. Походи немного, чтобы восстановить дыхание. Вставай, кому говорю, — Янош нагнулся и стукнул Алькора мечом плашмя по животу.

— Оставь меня, дай мне умереть в покое!

— Не оставлю. Покой нам только снится сквозь кровь и пыль, — напевно проговорил Янош. — Летит, летит степная кобылица и мнет ковыль.

— Откуда эти строчки? Ты не мог их сам выдумать, — Алькор с горем пополам поднялся, и, пошатываясь, побрел к мечу, который при падении выпал у него из руки и отлетел на несколько шагов.

— Неважно. Раз откликаешься на поэзию, значит, уже вполне ожил, чтобы послушать про свои ошибки. Во-первых, эти твои нелепые приседания заслуживают отдельной поэмы. Во-вторых, держи меч всей ладонью, а не тремя пальцами, а то противника – меня – ты не бьешь, а гладишь. В-третьих, боги, реже блокируй мои удары! Блоки разрушают рубящую кромку клинка. Конечно, деревяшка от этого почти не пострадает, но боевому мечу придется несладко. Используй отводы, уклонись, отойди на шаг назад и разорви дистанцию.

— Мне не хватает сил! Ты гораздо тяжелее меня, — жалобно проговорил Алькор. Он уже пришел в себя, снял с ветки флягу на ремне и, щедро поливая на ладони водой, смывал с лица хвоинки и пыль. Щеки по-прежнему горели, но дыхание уже возвращалось в норму. — Как мне тебя победить, если ты меня голыми руками пополам сломаешь?

— А ты и не должен меня побеждать, — Янош взял у Алькора флягу и тоже плеснул себе на лицо. — Научись хотя бы работать в защите, это может спасти тебе жизнь. Ладно. Нужно дать тебе отдохнуть, а то умирать шесть раз за утро – это вам не шутки! — Он расхохотался, поймал брошенный Алькором деревянный клинок и кивнул в сторону лагеря. — Я пойду. Ианнис на рассвете вернулся из разведки, сказал, что крыло ралидийцев на тракте, ведущем к Саргасу, и будут там приблизительно через неделю. От войска по каким-то причинам отстал обозный отряд – четыре повозки, семь-восемь человек, почти без оружия, в пяти лигах¹⁰ от *своих*. Прекрасный момент, чтобы напасть. В повозках может быть оружие, нам недостает его. Да и провизия – тоже неплохая добыча. Ох, совсем ты на ногах не держишься. Пойдем к лагерю. Я хотел сказать, что вечером мы идем на Саргасский тракт, планируем вернуться где-то под утро. Ты остаешься.

Алькор покивал, соглашаясь. От него толку в настоящей вылазке не будет. Едва-едва научился меч в руке держать, еще три дня назад в храме Альтиер перевязки делал, ну куда ему в стычку с врагом? Станет увереннее, смелее и сильнее – вот тогда...

¹⁰ Лига – единица измерения расстояния, равная 4,19 километрам

— Ты меня слушаешь? Помоги Ксадре с ужином, посмотри рану Диса. И, кажется, еще Атеон жаловался на кашель, заглянешь к нему? Спасибо, — Янош похлопал Алькора по плечу и, поймав его взгляд, слегка наклонил голову в знак благодарности, — ты очень помогаешь. Нам тебя не хватало.

— Как Атеон? — Ксадра всегда улыбалась ему так мягко и тепло, словно была его любимой старшей сестрой. У него были братья и сестры – старшая сестра точно была. Но прошло слишком много времени, и вспомнить хотя бы имена родных уже казалось непосильной задачей. Да и сама Ксадра что-то говорила о данном ей пророчестве, мол, в столице найдет брата... конечно, сомнительно, что это он. Но иногда мечта о том, чтобы найти потерянную еще в детстве семью, захватывала его полностью. Вот бы посмотреть на них – похожи ли, а какого цвета у них глаза? Как сложились их судьбы?

— Как Атеон? — эхом откликнулся он, опускаясь на подстилку рядом. — Все хорошо, я дал настой плюща. Почему сидишь тут одна?

— Не спится, — шепотом ответила она. — Захотелось побыть в одиночестве, посмотреть на огонь. Всегда успокаивало. Нет-нет, не уходи, — ее тонкая рука метнулась к Алькору, который поднялся было на ноги. — Хорошая компания лучше, чем оставаться наедине со своими мыслями.

— О чем эти мысли? — Алькор нахмурился. Ксадра выглядела такой печальной и раздавленной, что он не мог даже предположить, что же могло произойти.

Она промолчала, казалось, ушла глубоко в себя, и несколько минут они сидели в тишине, прерываемой лишь тихим гулом пламени и потрескиванием веток.

— Я задремала, мне приснилось, как убивают Пелисса, — с тяжелым вздохом ответила Ксадра, подняв на Алькора бледные, будто выцветшие, глаза. — Мне редко снятся кошмары, и я чаще всего забываю о них. Но этот был так страшен, что я не поняла, сон это или явь. Так испугалась, что не смогла уснуть. Смешно получилось – я не боюсь, скажем, крови, но пришла в ужас от пустого морока, наваждения.

Алькор молча слушал ее, не перебивая, не пытаясь утешить. Он давно понял, что Ксадре не нужно сочувствие. Она давно справилась со своим горем, просто говорить в пустоту или самой себе тяжелее, чем кому-то.

— Расскажи мне еще что-нибудь о нем, — вдруг попросила она. — ты наверняка знаешь больше, чем торговки на рынке. Алькор растерялся:

— О ком? Я ведь вовсе не знаю твоего мужа.

— Нет, не о Пелиссе, — Ксадра сделала попытку улыбнуться. Вышло криво. — О ралидийском воеводе. Ты наверняка в своей школе¹¹ изучал историю, слушал рассуждения учителей. Что говорят об этой напасти мудрые?

У Алькора перед глазами сразу же встали бесконечные шкафы с сотнями и тысячами книг в храмовой библиотеке – об истории, юриспруденции, естественных науках, алхимии, собрания сочинений знаменитых ученых и творцов прекрасного слова. Будущие жрецы должны быть сведущими в истории не только своего государства, но и всего континента, и Алькору все это казалось безумно интересным. Сказания о глубокой древности, истории и войнах, благородных и подлых правителях, могучих героях, значимых свершениях совершенно очаровали его, тогда еще совсем мальчишку, и после уроков истории он подолгу грезил о том, как однажды станет великим мудрецом, или откроет какой-нибудь удивительный химический элемент, или придумает, как лечить страшную болезнь.

Поэтому за летописями он просиживал часами, наслаждаясь картинами прошлого. Когда же он вспомнил об Аргиресе, то припомнил особенный шорох страниц, багряное кружево букв и книги об истории Ралидии, ее ни с чем не сравнимый запах – горький травяной настой и

¹¹ Так в Меере называются учебные заведения при храмах

дубовая кора. Он записывал в книгу все, что только мог услышать о деяниях великого воеводы, а слухов и преданий знали в школе немало. Все, что касалось Аргираса Сильфера, крылато передавалось из уст в уста и, кажется, распространилось по всем землям. Прикрыв глаза (так воспоминания проступили еще более отчетливо), Алькор по памяти процитировал:

— *После восшествия на престол Войцеха III Дислава весь континент узнал о воинственности и самого господаря, и его первейшего из приближенных, воеводу-тысячника Аргираса Сильфера Платеада Азвеса. Молодой полководец организовал молниеносную кампанию по нападению на королевство Парвис, и через несколько месяцев король Парвиса Сорин IV сдался на милость победителя, отказался от престола и признал господство Войцеха над своими землями. В качестве награды воевода Аргирас попросил у господаря чести жениться на парвисской девушке по старинному ралидийскому обычаю. Войцех не отказал, и с тех пор ни один завоевательный поход Серебряного воеводы не обходился без свадьбы. Первая его жена, Рута Марку, дочь парвисского торговца и дворцовой служанки, в замужестве пробыла всего месяц. Она попыталась заколоть своего нежеланного супруга во сне и была убита им лично.. Остальных пяти жен воеводы тоже ждала смерть: Ветта, незаконная дочь парватского графа, была уличена в двурушничестве и убита охраной; свободная женищина Алийё из Тор-Сатора совершила самоубийство, как и Вислава Горндот из княжества Литенского, а герцогиня Марцелина Лоривская была убита самим Аргирасом, когда вознамерилась отравить его,* — Алькор хотел набрать в грудь побольше воздуха и запнулся. Ксадра подняла голову.

— Как жестоко, — потрясенно выдохнула она. — Эти женщины... Как они, должно быть, его ненавидели, могу себе представить! И за эту ненависть заплатились жизнью. Ты хорошо рассказываешь. Неужели ты помнишь это наизусть?

— Да, помню, — Алькор мгновенно покраснел, очень смутился и приложил к пылающим щекам ладони — они в любую погоду были холодными. — Меня так очаровали истории о его походах, что я долго хотел быть похожим на славного воеводу. Он был сыном дворянки, дальней родственницы господаря, и знаменитого воина. Дружба с Войцехом помогла ему стать известным среди знати и приобрести определенный вес в высших кругах, но всю свою славу он добыл сам, и заслуженно, пожалуй. У него исключительный талант вести за собой людей, воодушевлять их — вот ралидийцы и совершают такие маневры, которые наше войско не рискнет повторить, хотя бы и защищая родную землю. Наши слишком осторожны. Те тысячи, что привел на нашу землю Аргирас — далеко не все ралидийские силы, и в любой момент к ним может прийти подмога. Нам, кроме Вереи, помочь некому. Если только Империя откликнется...

— Я почему-то уже не верю. Янош сказал, что императору еще царь неоднократно посылал письма с просьбой о помощи в войне — ни на одно не было ответа. Посылали и гонцов, но они не вернулись, и вестей от них не было. Ох, давай-ка лучше о чем-нибудь повеселее, — Ксадра развернулась к нему, сбросив печаль, как покрывало, и хлопнула себя по бедрам. — Как успехи сегодня с Яношем?

— Янош говорит, что все не так плохо. Что если я на мечях смогу достаточное время продержаться в обороне и научусь стрелять из лука, то он возьмет меня с собой на вылазку, — вздохнул Алькор. — Но у меня мало что получается. Сегодня утром мы тренировались, и, если бы это был настоящий бой, меня бы шесть раз убили.

Ксадра прищурилась:

— С мечом у меня тоже не все гладко. Силы и скорости не хватает. Но стрелять из легкого лука умею. Хочешь, научу? Алькор расцвел в улыбке, и, волнуясь, прижал ладони к щекам.

— Конечно! Я и сам хотел у тебя узнать, да не знал, как лучше спросить. Попробуем завтра?

Ксадра, улыбаясь, прикрыла веки.

Алькор бы вечно сидел у костра с Ксадрой: пусть вокруг густой дымной завесой стоит чернильно-синяя темнота, пусть потрескивают догорающие угольки, быстро и невесомо взмываются в воздух искры, пусть будет тепло, тихо и спокойно, пусть пахнет лесом и ночной свежестью так славно, что захочется заплакать и рассмеяться от переполняющих сердце чувств. Но Ксадра легко и бесшумно поднялась на ноги.

— Пойду-ка я. Может, теперь усну. — Она подобрала подстилку и распрямилась, разминая затекшие ноги. — Залей угли, ночью ни к чему огонь. Янош с отрядом вернется под утро и так нас найдет. Доброй ночи, Алькор.

— Доброй ночи, — отозвался он, задумчиво глядя на цветущие угли и глубже погружаясь в невеселые мысли.

Глава V. Цена правды и славы

— Встань вот сюда, левую ногу вперед, плечи разверни. Указательный палец на древко, средний – под него. Тяни тетиву к уху, локоть вверх. Нет-нет, не целься так, будто хочешь подстрелить мышь в глаз. Чем дальше целишься, тем быстрее устанут руки. Мягко выдохни и разожми пальцы! Ну!

С резким свистом стрела вонзилась в деревянную мишень. Конечно, не в центр – углем нарисованный кружок, и даже не близко к нему. Алькор мученически вздохнул. Ничего не выходит, из него такой же стрелок, как и фехтовальщик. Странно, что Ксадра еще не устала от его непонятливости. Давно бы плюнула на такого неспособного ученика...

— Все в порядке, для первого раза неплохо! У меня первая стрела вообще в мишень не попала, — задорно улыбнулась она и продолжила командовать. — Левую ногу вперед! Локоть вверх! Тетиву к подбородку!

Он поначалу старательно пытался выцелить черный кружок, но руки, как Ксадра и предупреждала, быстро устали, стали подрагивать, потом дрожать. Дольше удерживать тетивы было невыносимо. Тогда он медленно выдохнул и, немного прикрыв глаза, выстрелил почти наугад.

К его удивлению, стрела вонзилась не так далеко от цели. Белые перья на конце древка долго дрожали.

— Почти попал, — радостно крикнул он отвернувшейся Ксадре. — Как думаешь, неплохо? Она улыбнулась, покивала головой.

Алькор не так представлял себе благородное владение оружием. Все оказалось... менее красивым, и проще, и сложнее. Раньше он и ножа-то наточить не умел, теперь же Янош показал ему, как точить лезвия, как надевать и снимать тетиву с лука, как ухаживать за сталью и правильно носить на себе ножны, лук, колчан, чтобы не уставать и всегда иметь их под рукой.

В поэтических книгах, которыми он зачитывался, так писали: «пенье тетивы, натянутой до предела», «звон стали» и все такое. На деле стрелы свистели отвратительно, а сталь мечей не звенела, а лязгала, и приятного в этом звуке было мало. А еще настоящий меч оказался довольно тяжелым (как, впрочем, и лук), и махать им так же лихо, как герои поэм, не выходило. В целом не выходило быть героем. Из книг можно было узнать, что это достаточно просто: пусть у тебя будет верный конь, чудесный меч и доброе имя, а слава и всякие приключения-битвы-погоны-красавицы приложатся. На деле же он застрял в лесной глуши, толком не зная, зачем. Коня нет и в помине, и бегать по лесу в качестве тренировки выносливости приходится на своих двоих, чтобы не отставать от остальных воинов в отряде: Янош как-то обмолвился, что каждый из них выбран неслучайно и может гордиться своей исключительностью. Чудесный меч – если деревянный наскоро соструганный «клинок» можно счесть таковым – то да! А что насчет прекрасных дев – то единственную деву на пять верст вокруг, то есть Ксадру, честно говоря, нельзя было назвать красавицей. Алькор часто исподволь рассматривал ее лицо, изучая многочисленные оспины и шрамики, белесые водянистые глаза, пышные и короткие каштановые волосы, которые она обычно прятала под платком. На вопрос, почему коротко острижены, отвечала, что год назад переболела тифом, не успели отрасти. Ему казалось, что во многих ее чертах он видит некое собственное отражение: глаза у них так точно одного цвета.

Через час тренировок Ксадра устало сказала, что боялась худшего, но Алькор оказался способным учеником, и, возможно, с луком поладит лучше, чем с мечом. Это немного его ободрило. Ее хорошее настроение, казалось, передалось и ему.

Прохладное утро переходило в облачный, хмурый день. За работой и песнями Ксадры время пролетело быстро: собрали в лесу охапку полезных трав, перебрали их, очистили, разобрали в пучки, повесили в лишней землянке, которую Янош разрешил Алькору использовать под место для знахарских нужд. Там Алькор, как настоящий целитель, осматривал больных,

готовил настои и отвары, хранил инструменты. Эта землянка, что особенно пришлось ему по вкусу, была с небольшим смотровым окошком в крыше, которое плотно закрывалось ставнем – так было больше света. Алькор иногда с сожалением вспоминал о халькийском храме Альтеир, который он так спешно покинул. Крайос уговаривал его остаться, какими только словами не уговаривал... может, он еще вернется. Да, он обязательно вернется. Крайос все же принял его решение уйти вместе с отрядом повстанцев, благословил и пообещал сделать все, чтобы Алькора не сочли сбежавшим. Но ведь это так и есть...

Около полудня из леса, со стороны саргасского тракта, вышел отряд. Они ходили пешими, благо, недалеко, а кони могли случайно выдать их в засаде, но возвращались с тремя лошадьми в поводу. На одной, рыжей с приметным «фонарем» на морде, покачивался в седле всадник. Было видно, что держится он с трудом – одной рукой крепко вцепился в лук седла, другую прижимал к бедру. Другие лошади были навьючены тюками и свертками, несли поклажу и все воины в отряде. Быстро пересчитав головы, Алькор убедился, что потерь не было, и, судя по добыче, вылазка прошла успешно.

Шедший впереди Янош помахал Алькору и Ксадре рукой: мол, идите сюда. Алькор тотчас рванул со всех ног.

— Все прошло неплохо, — сказал он Ксадре, которая подбежала первой. — Пострадал только Данай, его задела чем-то по бедру, но, кажется, не очень глубоко. Аль, — Янош повернулся к запыхавшемуся Алькору, кивнул на всадника, — вот тебе нашлась работа. Мы рану кое-как в лесу перевязали, кровь остановили. Но, сам понимаешь, надо и тебе посмотреть. Снимайте его, — негромко сказал он, и раненого очень осторожно спустили на землю.

— Несите в мою смотровую, — сказал Алькор, чувствуя, что от него ждут действий прямо сейчас. «смотровой» назвать землянку ему хотелось еще давно: так говорили старшие жрецы о своих личных кельях, где они принимали больных. Это всегда было особое место, там нельзя было спать и есть. Только посетители и их бесконечная боль...

Когда Алькор через пару часов вышел из «смотровой» и проморгался, ослепленный ярким светом, то увидал, что вокруг стоит весь отряд с Яношем во главе. На юношу сразу же обратились все взоры. Чтобы не нервничать, он помял немного тряпку, которой вытирал вымытые руки, и, набрав в грудь воздуха, сообщил в тихий влажный воздух:

— Все хорошо. Жить будет, — постарался как можно беспечнее улыбнуться, потому что не знал, с чего начать и что сказать, — рана колотая, сквозная, я ее промыл, перевязал. Травы лечебные... вытянут гной, горячку снимут. Скоро заживет, ткани упругие, сами схлопнутся. Ничего опасного, только вот шрам останется.

Янош, не скрывая облегчения, выдохнул, и Алькор почувствовал, что этот выдох облегчения – высшая для него признательность.

— Это не беда, — радостно воскликнул он. — Боевой шрам только украшает мужчину. Молодец, Алькор, молодец, я – да что там – мы все тебе обязаны за Даная. Спасибо.

К Алькору все подходили, жали руку, похлопывали по плечу, говорили что-то ободряющее, глядели серьезно и благодарно, и впервые со дня своего появления в лагере юноша понял, что все-таки не бесполезно и не бессмысленно он живет здесь, не просто так. И вместе с тем ему было сложно поверить, что ему благодарны так искренне. Он совершил непоправимое, не заметив «служанку» под носом, в своем доме, хотя мог спасти – хотя бы попытаться! – добрую женщину и двух крошек. Не смог. Не смог.

Вечером Янош подозвал Алькора к костру.

— Я хотел с тобой поговорить. Можешь пригодиться. Никто не рассказал тебе, как прошла вылазка. Мы шли вдоль тракта на небольшом расстоянии от края леса, поэтому обоз увидели сразу. Не знаю, почему они отстали, но догонять своих эти вояки явно спешили. Четыре повозки, пять лошадей, восемь ралидийцев. Шли быстро, однако ж даже ралидийцы не видят в темноте, как кошки, пришлось и им остановиться на ночлег. Конечно, выставили посто-

вых. Нас вдвое больше. Дождались, пока немного посветлеет, чтобы можно было прицелиться. Трех застрелили на месте, а с остальными легко справились. Только вот двоих коней пришлось добить, ранили мы их случайно. Но три лошади уцелели, это для нас большая удача. Их забрали, повозки оттащили в лес. Глянули – а там стоят опечатанные сундуки, тяжелые – страх! Янош сделал многозначительную паузу, хитро поглядывая на своего собеседника.

— Что же там? — Изводясь от любопытства, шепнул Алькор.

— Там, милый мой, драгоценности – камни, цепи, кольца, бусы, деньги – ох и много же там монет! Слитки какие-то есть, куски металла. Словно в большой спешке украшения бросили в тигель и сплавил в один непонятной формы кусок. Свертки с одеждой, кольчугой, ножами и поясами.

— Может, это чья-то доля добычи? Какого-нибудь воеводы? Не видели никаких знаков, вышивки, красивых букв?

— Нет, не видали мы... На восковой печати – ралидийский орел, ну еще какие-то закорючки на некоторых сундучках, а более ничего. Я тебе потом их покажу. Ну да ладно, не нашего ума дело, чье это. Чье-чье, наше теперь! – и он расхохотался над собственной шуткой. Алькор тоже не смог сдержать улыбки.

— Янош, а они не переполошатся? Вдруг решат, что напали разбойники, лес прочешут?

— Ралидийцам не до того. То-то они так спешно идут к Саргасе, знать, время их поджимает. Свалят вину на возниц, мол, они украли, сбежали с воеводиным добром, и дело с концом. Я вот о чем хотел тебя попросить, — Янош перестал улыбаться и серьезно взглянул на Алькора. — Я хочу послать тебя в Эгос. Это городок неподалеку, в трех лигах к северо-востоку. Там живет мой давний приятель, он продает драгоценности – те, что привозят ему из ювелирных мастерских, и те, что добыты нечестным трудом.

— Вы хотите продать то, что сегодня добыли?

— Да. Не все, конечно, но некоторую часть. Вырученные деньги разделим поровну, кто-то отошлет родне, кто-то сохранит. Кроме того, купим всем по коню, справим хорошие доспехи, оружие, стрел докупим, и сможем хоть со всей ралидийской армией в открытый бой вступать! Остальное схороним, тайников у нас много. А после войны, да позволят боги, с умом используем, вернем родине богатства. — Янош ухмыльнулся, огладил бороду и продолжил. — Я дам тебе карту. Эгос совсем близко, не проедешь мимо. И напишу письмо мастеру Парфосу – скажешь, от Яноша Спаты. Если согласится, я сам поеду к нему и отвезу сокровища. Алькор задумчиво почесал в затылке.

— А почему вы посылаете меня? Вас он знает и вряд ли откажет. Янош строго посмотрел на него:

— Задание это для тебя. Раз прошу, значит, на то есть причины. Так что, согласен?

— Согласен. Почему бы и нет? Данаю перевязку и Ксадра сделает – покажу, какие травы нужно заваривать для промывания. Как в Эгос ехать?

— Вот по этому тракту едешь две лиги, а затем сворачиваешь на развилке. В Эгосе ищешь улицу Третью Медную, мастерскую Парфоса – он в этом городишке человек известный. Лошадь возьмешь новую, гнедую – она неприметная, зато выносливая, и ход мягкий.

Алькор кивал, все еще немного не веря. Голова шла кругом. Неужели Янош испытывает его в настоящем деле? Пусть это и не стычка с ралидийским обозом, но тоже приключение. Немного тревожно... но ведь Янош наверняка знает что делает. Рассчитывает на него – и это неспроста.

— ...ехать туда и обратно недолго, но Ксадра тебе в дорогу поесть соберет. Все понял? Запомнил? Запиши на всякий случай.

— Запомнил! Как скажете, так все и сделаю, — ухмыльнулся Алькор, отвечивая забавный поклон.

Он выехал из лагеря ранним утром – солнце только-только выкатилось на бледно-голубое небо. Янош советовал ехать не по тракту – там могут оставаться ралидийские отряды, а по лесу параллельно дороге. Алькор прислушался и почти сразу оценил решение: так безопаснее, прохладнее в тени, да и направление сложно потерять из виду.

Было еще не жарко, птицы весело и звонко щебетали в кронах, по земле скользили полупрозрачные зеленые тени. Торопиться было некуда – сытый и отдохнувший конь шел легко, покрывая большими и размашистыми шагами аршин за аршином по пролеску, в седельной сумке лежали припасы в дорогу (Ксадре пришлось встать затемно, чтобы собрать Алькору немного копченого мяса, сухарей и сыра), фляга с водой и письмо к мастеру Парфосу. Ясное утро обещало стать теплым и погожим днем, и лишь редкие облака, лениво ползущие по небосклону, напоминали о вчерашних тучах. И все-таки Алькора не оставляла смутная тревога – не тот веселый азарт, который он предвкушал вечером перед поездкой, а ноющее, словно заноза, странное чувство.

«Я мечтал о каком-нибудь приключении! Я молил мать Альтеир и всех богов дать мне еще один шанс, простить мою невнимательность и гордыню. Так почему сейчас готов ехать как можно быстрее и тише, чтобы только ничего не случилось?» Устав от нехороших предчувствий, Алькор решил остановиться и спокойно позавтракать. Он расседлал коня, стреножил и оставил его пастись на небольшой поляне, удачно скрытой зарослями от дороги. Стоило юноше снять седельные сумки, как его внимание привлек какое-то яркое и быстрое движение на тракте, где-то в сорока или пятидесяти аршинах от поляны. Алькор со вздохом отложил сумку и раздвинул ветки, чтобы посмотреть, что происходит. Оказалось, что движением был отсверк на мече.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.